

БЕЗ ПРАВИЛ

роман
ВАЛЕНТИНА КЛЁСТЕР

Валентина Клёстер

Без правил

<https://litres.ru/74167198>

SelfPub; 2026

Аннотация

Амалия не доверяет мужчинам, которые знают о ней слишком много.

Давид появился в её жизни не случайно. Он лгал, наблюдал, защищал и когда-то собирался использовать её ради мести.

Теперь Амалии предстоит узнать правду о своей семье, своём прошлом и мужчине, которого она любит.

Но что, если его любовь — единственное, что с самого начала не было частью плана?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Без правил

Глава

Глава 1. Мужчина у окна

Амалия не любила вечера, на которых все улыбались чуть шире, чем им хотелось.

В таких местах даже смех звучал отрепетированно. Мужчины поправляли запонки перед тем, как пожать друг другу руки, женщины целовали воздух возле щёк и за долю секунды успевали оценить платье, украшения и настроение соперницы.

Здесь никто не спрашивал: «Как ты?»

Спрашивали:

— Как продвигается проект?

Или:

— Ты всё ещё работаешь с Ланским?

Или, что было ещё хуже:

— Ты прекрасно выглядишь. Влюбилась?

На последний вопрос Амалия обычно отвечала:

— Выспалась.

После этого разговор, как правило, быстро заканчивался.

В этот вечер она приехала в старинный особняк на набережной позже, чем собиралась. У входа уже стояла вереница дорогих автомобилей, а за высокими окнами второго этажа

двигались силуэты гостей.

Благотворительный приём был закрытым. Приглашения сюда получали не те, у кого были деньги, а те, кого хотели видеть люди с деньгами.

Разница была небольшой, но принципиальной.

Амалия поднялась по мраморным ступеням, предъявила приглашение и на секунду задержалась возле зеркала в холле.

Она редко рассматривала себя перед важными событиями. Слишком долгий взгляд в зеркало всегда пробуждал желание что-нибудь исправить.

Сегодня исправлять было нечего.

Чёрное платье сидело безупречно. Простое на первый взгляд — длинное, из тяжёлого шёлка, с открытой спиной и тонкими бретелями. Никаких вызывающих разрезов, блёсток или кружев. Только ткань, подчёркивающая движения тела, и тонкая золотая цепочка на шее.

Тёмные волосы Амалия собрала наверх, оставив несколько свободных прядей у лица.

Она посмотрела на своё отражение.

Тридцать два года.

Четыре из них — почти счастлива.

Два — пыталась понять, почему всё закончилось.

Один — училась не задавать этот вопрос.

Теперь получалось неплохо.

— Амалия!

Она едва успела обернуться, как её обняла хозяйка вечера.

Лидия Орлова была женщиной неопределённого возраста и совершенно определённого влияния. Она управляла благотворительным фондом, тремя культурными проектами и, если верить слухам, половиной людей в этом зале.

— Я уже решила, что ты не придёшь.

— Я тоже так решила.

— Но приехала.

— Именно поэтому я стараюсь никогда не доверять собственным решениям.

Лидия рассмеялась.

— Ты неисправима.

— Мне это часто говорят.

— Сегодня тебе будет интересно.

— Это угроза?

— Предупреждение.

Амалия взяла с подноса официанта бокал шампанского.

— Ты позвала меня ради проекта или решила устроить мою личную жизнь?

— Одно другому не мешает.

— Лидия.

— Всё, молчу.

Хозяйка вечера сделала вид, что действительно собирается сдержать обещание, но продержалась секунды три.

— Хотя один человек

— Нет.

— Ты даже не знаешь, что я хотела сказать.

— Именно поэтому решила остановить тебя вовремя.

Лидию отвлекли новые гости, и Амалия наконец осталась одна.

Она прошла в главный зал.

Под потолком горели старинные хрустальные люстры. Музыканты играли что-то медленное и почти незаметное. За окнами темнела река, и город на другом берегу выглядел рассыпанными по воде золотыми монетами.

Красиво.

Скучно.

Предсказуемо.

Амалия успела обменяться приветствиями с несколькими знакомыми, выслушать две неинтересные деловые истории и один слишком длинный комплимент.

А потом почувствовала взгляд.

Не сразу.

Сначала просто появилось странное ощущение, будто в комнате изменилось давление.

Она продолжала слушать мужчину напротив — известного архитектора, который уже минут пять рассказывал о своём новом проекте в Италии.

Амалия кивала в нужных местах, но внимание неожиданно рассеялось.

Кто-то смотрел на неё.

Не скользнул взглядом.

Не оценил платье.

Смотрел.

Она медленно повернула голову.

У дальнего окна стоял мужчина.

Один.

Высокий. Тёмный костюм без галстука, белая рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу больше, чем требовал официальный приём. Одна рука в кармане брюк, во второй — стакан, к которому он даже не притрагивался.

Он смотрел прямо на неё.

Не отвернулся, когда их взгляды встретились.

Это было первым, что её удивило.

Вторым было то, что она тоже не отвернулась.

Между ними было метров двадцать, десятки людей, хрустальные бокалы, чужие разговоры и музыка, но Амалии на мгновение показалось, что зал стал почти пустым.

Мужчина едва заметно прищурился.

Не улыбнулся.

Просто рассматривал.

Спокойно. Внимательно.

Слишком внимательно.

— понимаешь, насколько сложна работа с историческим фасадом?

Амалия моргнула.

Архитектор всё ещё говорил.

— Простите?

Он обиженно посмотрел на неё.

— Я рассказывал о реставрации.

— Конечно.

Она заставила себя вернуться к разговору.

Это оказалось сложнее, чем ожидалось.

Через минуту она снова посмотрела на окно.

Мужчина исчез.

Амалия почувствовала неожиданное раздражение.

На себя.

Конечно.

Только на себя.

Она допила шампанское и поставила бокал на поднос.

— Вы позволите украсть её на минуту?

Голос раздался совсем близко.

Низкий. Спокойный.

Амалия обернулась.

Он стоял рядом.

Вблизи мужчина оказался ещё опаснее.

Это было первое слово, которое пришло ей в голову, хотя ничего откровенно опасного в нём не было.

Лет тридцать восемь, возможно, сорок. Тёмные волосы, правильные, но слишком жёсткие черты лица, лёгкая тень щетины. И глаза.

Серые.

Холодный цвет, но взгляд не был холодным.

Скорее слишком сосредоточенным.

Так смотрят на вещь, которую долго искали и неожиданно нашли.

Архитектор перевёл взгляд с него на Амалию.

— Конечно. Мы как раз закончили.

Это была ложь.

Но Амалия решила не возражать.

Когда мужчина отошёл, она последовала за ним к небольшой галерее, соединявшей два зала.

Только там остановилась.

— Вы только что спасли меня от двадцатиминутного рассказа о свойствах известняка.

— Значит, вечер уже прожит не зря.

— Не спешите приписывать себе заслуги. Я могла уйти сама.

— Но не ушли.

— Я вежливая.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал разговор.

— Нет.

Амалия приподняла бровь.

— Нет?

— Вы умеете быть вежливой. Это не одно и то же.

Вот теперь она улыбнулась.

Против воли.

Совсем немного.

— Мы знакомы?

Пауза была короткой.

Но Амалия её заметила.

— А вам кажется, что должны быть?

— Мне кажется, что обычно человек сначала представляется, а потом делает выводы о моём характере.

— Давид.

Только имя.

Ни фамилии, ни объяснений.

— Очень содержательно.

— Вы спросили, знакомы ли мы.

— И?

— Нет.

Он произнёс это спокойно.

Слишком спокойно.

Амалия почувствовала лёгкий укол разочарования и тут же рассердилась на себя за него.

— Тогда, Давид без фамилии, почему вы так на меня смотрели?

В его глазах появилось что-то похожее на улыбку.

— А как я смотрел?

— Вы прекрасно знаете.

— Хочу услышать вашу версию.

— Боюсь, она вам польстит.

— Рискну.

Она сложила руки на груди.

— Как человек, который уже составил обо мне мнение.

— Возможно.

— И какое же?

— Пока рано говорить.

— Удобно.

— А вы всегда хотите получить ответы сразу?

— Когда вопрос простой — да.

— Этот не простой.

Он говорил тихо, и Амалии приходилось прислушиваться.

Это раздражало.

И почему-то заставляло замечать детали.

Расстояние между ними.

Запах его парфюма — древесный, с чем-то терпким и тёплым.

Его руки.

Проклятие.

Она отвела взгляд первой.

На этот раз — намеренно.

— Вы странный человек.

— Мне говорили.

— Часто?

— Только женщины, которые пытались меня понять.

— И многим удалось?

— Ни одной.

— Удивительно.

— Почему?

— Вы производите впечатление человека, который очень старается казаться сложнее, чем есть.

Вот теперь он улыбнулся.

Медленно.

Амалия почувствовала странное удовлетворение от того, что сумела нарушить его безупречное спокойствие.

— А вы любите провоцировать, — сказал Давид.

— Только тех, кто сам просит.

— Я просил?

— Вы смотрели на меня двадцать минут.

— Семнадцать.

Амалия замолчала.

Давид спокойно отпил из стакана.

— Вы считали?

— Нет.

— Тогда откуда

— Я пришёл семнадцать минут назад.

В его голосе не было ни торжества, ни намёка.

Но Амалия вдруг почувствовала, как по спине медленно прошла дрожь.

Глупость.

Всего лишь разговор.

— Получается, вы начали смотреть сразу после того, как вошли?

— Получается так.

Он не собирался облегчать ей задачу.

Она решила сменить тему.

— Вы друг Лидии?

— Скорее старый знакомый.

— Первый раз вижу вас на её приёмах.

— Вы запоминаете всех мужчин на приёмах Лидии?

— Только подозрительных.

— Тогда мне повезло.

— Это вряд ли.

Мимо них прошли две женщины. Одна из них поздоровалась с Давидом и посмотрела на Амалию с плохо скрытым любопытством.

Он ответил коротким кивком.

Амалия заметила, что женщина хотела остановиться, но не решилась.

Интересно.

— Вы здесь популярны, — сказала она.

— Вас это беспокоит?

— Нет. Я просто пытаюсь понять, кто вы.

— Зачем?

Вопрос прозвучал неожиданно.

— Что значит «зачем»?

— Вам обязательно понимать человека, с которым вы разговариваете несколько минут?

— Обычно да.

— Почему?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что любопытство — один из немногих моих недостатков.

— Один из немногих?

— Остальные я пока не собираюсь вам показывать.

— Жаль.

Он сказал это почти без выражения.

Но Амалия слишком хорошо разбиралась в интонациях.

Она снова почувствовала это натяжение между ними.

Будто разговор шёл на двух уровнях.

На первом — слова.

На втором — то, о чём они оба пока молчали.

Давид сделал шаг в сторону, пропуская официанта.

Теперь он стоял ближе.

Не настолько, чтобы это выглядело неприлично.

Но достаточно, чтобы Амалия почувствовала тепло его тела.

Ей хотелось отступить на полшага.

Она не отступила.

— Вы всегда проверяете, кто первым нарушит дистанцию? — спросила она.

Давид медленно опустил взгляд на её лицо.

— Вы заметили.

— Это сложно не заметить.

— Я не был уверен.

— В чём?

— Что вы обращаете на меня столько же внимания, сколь-

ко я на вас.

Несколько секунд она молчала.

— Самоуверенно.

— Но я ошибся?

— Да.

Он чуть склонил голову.

— Жаль.

Амалия улыбнулась.

— Не верите.

— Нет.

Слишком прямой ответ.

В другой ситуации она поставила бы человека на место.

Но сейчас почему-то не хотелось.

Наоборот.

Её пугало, насколько живой она себя чувствовала рядом с незнакомцем.

Последние годы мужчины в её жизни делились на две категории.

Первые пытались произвести на неё впечатление.

Вторые делали вид, что не пытаются.

Давид не относился ни к тем, ни к другим.

Казалось, он вообще ничего от неё не хотел.

Кроме одного.

Наблюдать.

— Чем вы занимаетесь? — спросила Амалия.

— Разным.

— Ненавижу такие ответы.

— Почему?

— Потому что за ними обычно скрывается либо что-то очень скучное, либо незаконное.

— Какой вариант вам интереснее?

— Незаконный.

— Тогда оставим его.

— То есть скучное?

Он снова усмехнулся.

— Возможно, я занимаюсь инвестициями.

— Возможно?

— Вы не любите тайны?

— Люблю.

— Не похоже.

— Я люблю тайны, которые можно разгадать.

В этот момент в дальнем зале раздался звон бокала.

Лидия собиралась произнести речь.

Гости начали медленно перемещаться к сцене.

— Нам, кажется, пора, — сказала Амалия.

— Вам.

Она посмотрела на него.

— А вы не идёте?

— Не люблю речи.

— Тогда зачем пришли?

Его взгляд задержался на её лице.

— Мне было интересно кое на что посмотреть.

Сердце сделало один тяжёлый удар.

Он снова это сделал.

Ничего не сказал прямо.

Но оставил слова между ними так, чтобы она сама придала им смысл.

Амалия вздохнула.

— Знаете, Давид, у вас неприятная привычка.

— Какая?

— Разговаривать загадками.

— А у вас?

— Что у меня?

— Неприятные привычки есть?

— Конечно.

— Например?

— Я быстро теряю интерес.

Его лицо осталось спокойным.

— Не похоже.

Она встретила его взгляд.

И вдруг ощутила себя так, словно оказалась слишком близко к краю высокой крыши.

Ничего ещё не произошло.

Но один шаг — и равновесие исчезнет.

— Это вызов? — спросила она.

— Наблюдение.

— Вы очень наблюдательный человек.

— Когда дело касается важных вещей.

Снова эта интонация.

Слишком личная для незнакомца.

Амалия хотела спросить, что именно он имеет в виду.

Не спросила.

Вместо этого повернулась и направилась в главный зал.

Она чувствовала его взгляд на спине.

Почти физически.

И от этого ощущения шаги становились чуть медленнее, чем обычно.

Речь Лидии длилась одиннадцать минут.

Амалия знала это точно, потому что трижды смотрела на часы.

Давида в зале не было.

Это раздражало.

Она не понимала, почему вообще думает о нём.

Красивый мужчина.

Уверенный.

Немного загадочный.

Что здесь особенного?

Она знала десятки таких.

По крайней мере, убеждала себя, что знала.

После официальной части вечер стал свободнее. Музыка зазвучала громче, официанты сменили шампанское на коктейли, кто-то уже танцевал.

Амалия разговаривала с директором галереи, когда увидела Давида снова.

Он стоял на втором этаже.
Наверху, возле балюстрады.
Смотрел вниз.
На неё.

Она сбилась на середине фразы.

— Простите, — сказала Амалия собеседнику. — Мне
нужно позвонить.

Она вышла из зала.

Разумеется, звонить никому не собиралась.

В коридоре было прохладнее и почти пусто. Амалия оставилась возле раскрытых дверей библиотеки, достала телефон и несколько секунд смотрела на экран.

Никаких важных сообщений.

Она понятия не имела, чего ждёт.

Что Давид появится?

Глупость.

— Вы плохо притворяетесь.

Она вздрогнула и резко обернулась.

Давид стоял в дверях.

— Вы всегда подходите к людям бесшумно?

— Только когда они делают вид, что кому-то звонят.

Амалия убрала телефон.

— Возможно, я передумала.

— Возможно.

— Вы часто повторяете за собеседником?

— Только когда он врёт.

— Вы невыносимы.

— А вы всё ещё разговариваете со мной.

— Изучаю противника.

— Уже противника?

— Пока кандидата.

Давид подошёл ближе.

Библиотека была почти тёмной. Свет из коридора ложился на старый деревянный пол длинным золотистым прямоугольником.

Из зала доносилась музыка.

Здесь, за толстыми стенами, она звучала глухо, словно из другого мира.

— И как продвигается изучение? — спросил он.

— Плохо.

— Почему?

— Слишком мало данных.

— Что вы хотите знать?

Амалия посмотрела на него.

— Правду?

— Предпочтительно.

— Почему вы ко мне подошли?

Давид не ответил сразу.

— Мне захотелось.

— Это не ответ.

— Самый честный из возможных.

— Почему захотелось?

— Вы всегда задаёте так много вопросов?

— Только когда чувствую, что мне не договаривают.

— А если вам не понравится ответ?

— Это уже моя проблема.

Несколько секунд он молчал.

Потом сказал:

— Вы не похожи на себя.

Амалия почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Что?

Давид смотрел прямо на неё.

— Я сказал, что вы не похожи на человека, каким показались мне сначала.

Она всматривалась в его лицо.

— Вы специально так делаете?

— Как?

— Говорите фразы, которые можно понять двояко, а потом меняете смысл.

— Я ничего не менял.

— Конечно.

Она отвернулась.

Почему-то стало холодно.

Глупая реакция.

Но первая фраза прозвучала так, словно он сравнивал её с кем-то.

Или с ней самой.

С прежней.

— Вы замёрзли? — спросил Давид.

— Нет.

Он снял пиджак.

— Я сказала, что не замёрзла.

— Я услышал.

— Тогда что вы делаете?

— Игнорирую.

Он положил пиджак на спинку кресла, не предлагая ей его.

Амалия невольно рассмеялась.

— Очень галантно.

— Вы бы всё равно отказались.

— Возможно.

— Точно.

— Вы слишком уверены, что знаете меня.

Улыбка исчезла с его лица.

Всего на секунду.

Но она заметила.

— Нет, — сказал Давид. — Совсем нет.

И впервые за вечер ей показалось, что он говорит абсолютно искренне.

Тишина стала неловкой.

Или слишком интимной.

Амалия вдруг остро осознала, что они одни.

Что дверь библиотеки за его спиной открыта, но до ближайших гостей далеко.

Что он смотрит на её губы.

Всего мгновение.

Но смотрит.

У неё пересохло во рту.

Давид поднял глаза.

Их взгляды встретились.

Никаких прикосновений.

Никаких слов.

Но воздух между ними стал плотным.

Амалия знала это чувство.

Момент, когда мужчина и женщина ещё стоят на допустимом расстоянии, но оба уже понимают, что дело не в расстоянии.

Она медленно вдохнула.

— Мне пора возвращаться.

— Конечно.

Он не двинулся.

Выход всё ещё оставался свободным.

Нужно было просто пройти мимо.

Амалия шагнула к двери.

Поравнялась с ним.

Давид слегка повернул голову.

Его пальцы едва заметно сжались на краю стола.

И почему-то именно это движение подействовало на неё сильнее, чем если бы он попытался прикоснуться.

Самоконтроль.

Он тоже чувствовал это.

Вот что означало это движение.

Осознание неожиданно придало ей смелости.

Амалия остановилась.

Повернула голову.

Теперь их лица разделяло слишком мало пространства.

— Вы всегда смотрите на женщин так, словно уже знаете, чем всё закончится? — тихо спросила она.

Его взгляд стал темнее.

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Я не люблю предсказуемые истории.

Несколько мгновений Давид молчал.

Потом наклонился чуть ближе.

Не касаясь.

Даже не пытаясь.

Но Амалия почувствовала его дыхание у виска.

— Я тоже, — произнёс он.

Она вышла первой.

И только в коридоре позволила себе выдохнуть.

Через час Амалия решила уехать.

Она сама не могла объяснить почему.

Вечер ещё продолжался. Несколько знакомых предлагали перейти в другой зал, где начинались танцы. Лидия пыталась усадить её за стол с потенциальными партнёрами но-

вого проекта.

Но Амалия неожиданно устала.

Или просто хотела оказаться дома, снять платье, принять душ и перестать думать о мужчине, которого видела впервые в жизни.

Она попрощалась с хозяйкой вечера.

— Уже уходишь? — удивилась Лидия.

— Завтра ранняя встреча.

— Ты никогда не назначаешь встречи раньше десяти.

Амалия посмотрела на неё.

— Почему ты знаешь обо мне столько лишнего?

— Потому что твоя жизнь без моего контроля быстро становится скучной.

— Не переживай. Сегодня мне было не скучно.

Лидия заинтересованно прищурилась.

— Вот как?

— До свидания, Лидия.

— Амалия

Она уже уходила.

В холле было тихо. Гардеробщица принесла её пальто, швейцар открыл тяжёлую входную дверь.

Ночной воздух оказался прохладным.

Амалия спустилась по ступеням.

На улице прошёл дождь. Камни набережной блестели в свете фонарей, а от реки тянуло влажным ветром.

Её машина должна была подъехать через несколько ми-

нут.

Амалия остановилась под навесом.

И услышала за спиной:

— Уже уходите?

Она не обернулась сразу.

Улыбнулась.

Только потом повернулась.

Давид стоял на верхней ступени.

Без пиджака, в одной белой рубашке.

— А вы следите за моими перемещениями?

— Сегодня — да.

Он спустился.

— Даже не скрываете?

— А нужно?

— Приличия иногда полезны.

— Иногда.

Давид остановился напротив.

На улице его лицо выглядело иначе.

Жёстче.

Возможно, дело было в тенях.

Или в том, что здесь не было людей, за которыми можно спрятать внезапно возникшее напряжение.

— Вы так и не сказали фамилию, — заметила Амалия.

— Это важно?

— Мне интересно знать, с кем я разговариваю.

— Давид Вернер.

Она повторила фамилию про себя.

Ничего.

Совершенно ничего знакомого.

— И всё?

— Что ещё?

— Не знаю. Обычно незнакомые мужчины, которые семнадцать минут смотрят на женщину, а потом преследуют её по особняку, предлагают хотя бы визитную карточку.

— Я вас не преследовал.

— Конечно.

— И визитных карточек у меня нет.

— Как современно.

У входа остановился чёрный автомобиль.

Давид коротко взглянул на него.

— Это ваш?

— Нет.

Машина забрала другую пару гостей и уехала.

Снова стало тихо.

— Странный вечер, — сказала Амалия.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Не знаю.

— Вы часто говорите «не знаю», когда знаете ответ?

— Вы опять меня анализируете?

— Наблюдаю.

— Вы опасный человек, Давид Вернер?

Вопрос вырвался раньше, чем она успела подумать.

Он не рассмеялся.

Не удивился.

— А вы боитесь опасных людей?

— Я предпочитаю знать об опасности заранее.

— Это редко помогает.

— Значит, ответ «да»?

Давид посмотрел куда-то за её плечо.

По улице приближалась машина Амалии.

— Ваша машина.

Она не обернулась.

— Вы не ответили.

— Сегодня у вас слишком много вопросов.

— А у вас слишком мало ответов.

Автомобиль остановился у ступеней.

Водитель вышел и открыл заднюю дверь.

Амалия сделала шаг в сторону.

Давид сказал:

— Доброй ночи.

Она кивнула.

— Доброй ночи, Давид.

Ей оставалось пройти всего несколько шагов.

Она уже почти села в машину, когда услышала его голос.

Тихий.

Спокойный.

— Доброй ночи, Амалия.

Она застыла.

Медленно выпрямилась.

Повернулась к нему.

Давид стоял там же.

Руки в карманах брюк.

Спокойный.

Будто не произошло ничего странного.

Амалия смотрела на него несколько секунд.

— Я не называла вам своего имени.

Пауза.

Очень короткая.

— Нет, — ответил он.

Холод пробежал по её спине.

— Тогда откуда вы его знаете?

Давид посмотрел на неё тем самым взглядом, который она почувствовала ещё в зале.

Внимательным.

Тяжёлым.

Почти личным.

А потом произнёс:

— Вы уверены, что хотите узнать это сегодня?

Не дожидаясь ответа, он развернулся и поднялся по ступеням.

— Давид.

Он не остановился.

— Давид!

Двери особняка закрылись за его спиной.

Амалия осталась у машины.

Ветер с реки шевельнул край её платья.

— Всё в порядке? — осторожно спросил водитель.

Она продолжала смотреть на закрытые двери.

Ей хотелось вернуться.

Найти его.

Потребовать объяснений.

Вместо этого Амалия села в машину.

— Домой.

Автомобиль тронулся.

Особняк остался позади.

Амалия достала телефон.

Открыла поисковую строку.

Напечатала:

Давид Вернер.

Нажала «найти».

Несколько секунд смотрела на экран.

Потом нахмурилась.

Ни одной фотографии.

Ни одного интервью.

Ни одной статьи, которая могла бы относиться к мужчине, стоявшему у окна.

Только ссылки на чужих людей.

Она изменила запрос.

Добавила город.

Профессию.

Слово «инвестиции».

Ничего.

Будто Давида Вернера не существовало.

Телефон завибрировал в её руке.

Новое сообщение.

Номер не был записан в контактах.

Амалия открыла его.

Всего одна строка:

«Не ищите меня, Амалия. Вы найдёте не то, что хотите.»

Она перечитала сообщение дважды.

Потом медленно подняла глаза.

За стеклом машины отражался ночной город.

И её собственное лицо.

Амалия вдруг поняла две вещи.

Первая: Давид получил её номер каким-то способом, о котором она не знала.

Вторая была намного хуже.

Несмотря на страх, несмотря на раздражение и все вопросы, которые теперь не давали ей покоя, она уже знала, что не послушается его.

Она будет искать.

И найдёт.

Даже если он действительно был прав.

Даже если ей не понравится то, что она узнает.

Особенно тогда.

Глава 2. Второе совпадение

На четвёртый день после приёма Амалия почти убедила себя, что забыла Давида Вернера.

Почти.

Это слово оказалось самым неприятным.

Она не искала его в интернете.

После первой ночи.

Не проверяла номер, с которого пришло сообщение.

После семи или восьми безуспешных попыток.

Не спрашивала о нём Лидию.

Если не считать одного короткого телефонного разговора, который состоялся утром следующего дня.

— Давид Вернер? — переспросила Лидия.

Слишком медленно.

Амалия сидела на кухне, пила кофе и смотрела на лежащий перед ней телефон.

Сообщение всё ещё было там.

«Не ищите меня, Амалия. Вы найдёте не то, что хотите».

Она не ответила.

Хотя несколько вариантов придумала.

Первый был неприличным.

Второй — оскорбительным.

Третий состоял из одного вопросительного знака, но Амалия решила, что это выглядело бы слишком заинтересован-

но.

Поэтому она позвонила Лидии.

И теперь жалела об этом.

— Именно, — сказала Амалия. — Давид Вернер.

— А что?

— Ничего.

— Амалия.

— Что?

— Ты никогда не спрашиваешь о мужчинах просто так.

— Я спрашиваю не о мужчине. Я спрашиваю о госте твоего приёма.

— Конечно. Огромная разница.

— Лидия.

— Хорошо. Что ты хочешь узнать?

Амалия немного помолчала.

— Кто он?

На другом конце линии повисла короткая пауза.

— Бизнесмен.

— Это слово придумали специально для случаев, когда никто не знает, чем человек занимается.

— Он инвестор.

— Во что вкладывает?

— В разные проекты.

Амалия закрыла глаза.

— Вы сговорились?

— Кто?

— Неважно.

— Амалия, что произошло?

— Ничего.

— Вы познакомились?

— Немного поговорили.

— Насколько немного?

— Лидия.

— Всё, молчу.

И конечно, не замолчала.

— Он тебе понравился?

— Нет.

— Тогда почему ты звонишь мне в восемь утра?

Амалия посмотрела на часы.

Было восемь семнадцать.

— Уже рабочий день.

— Для кого?

— Для нормальных людей.

— Ты не нормальный человек, когда речь идёт о мужчинах.

— Спасибо.

— Это был комплимент.

— Тогда спасибо ещё раз.

Она уже собиралась завершить разговор, когда Лидия спросила:

— Он сказал тебе что-нибудь странное?

Амалия замерла.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто так.

— Ты никогда ничего не спрашиваешь просто так.

— Учусь у тебя.

— Лидия.

— Мне нужно бежать. У меня встреча.

— В восемь утра?

— В отличие от тебя, я нормальный человек.

И отключилась.

После этого разговора Амалия решила больше ничего не выяснять.

По крайней мере, несколько дней.

Она даже удалила поисковые запросы из истории браузера, словно это могло стереть сам факт её любопытства.

Номер Давида она не заблокировала.

И не записала.

Просто оставила.

Это было совершенно разумно.

Так она себе объяснила.

Утро понедельника началось плохо.

В девять двадцать позвонил финансовый директор.

В девять сорок пять пришло письмо от банка.

В десять пятнадцать Амалия уже знала, что проект, над которым её команда работала почти два года, может не пережить следующие три месяца.

Она сидела в переговорной комнате и смотрела на цифры,

выведенные на большой экран.

Цифры ей не нравились.

Особенно красные.

Красных было слишком много.

— Ещё раз, — сказала она. — Медленно. Для людей, которые сегодня не готовы к финансовым трагедиям.

Антон, финансовый директор, снял очки.

— Основной партнёр заморозил финансирование.

— Я это слышала.

— Полностью.

— Это тоже.

— До конца финансового аудита холдинга они не будут вкладываться ни в один новый проект.

— Срок?

— Неизвестен.

— Прекрасно.

Амалия откинулась на спинку кресла.

За стеклянной стеной переговорной кипела обычная офисная жизнь. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то стоял у кофемашины, дизайнеры спорили возле доски с эскизами.

Никто из них пока не знал, что через несколько месяцев этого офиса может не быть.

— Какие у нас варианты? — спросила она.

Антон посмотрел на директора по развитию.

Тот ответил:

— Новый инвестор.

— За три месяца?

— Желательно быстрее.

— У нас были переговоры с четырьмя фондами.

— Три отказали.

— А четвёртый?

— Предложил условия, после которых мы перестанем владеть собственным проектом.

— Значит, отказали четыре.

Никто не возразил.

Амалия встала и подошла к окну.

Проект назывался «Северный дом».

Старинное здание бывшей гостиницы на берегу реки, построенное в начале прошлого века. Десять лет оно стояло закрытым. Несколько раз его пытались продать, перестроить, превратить в офисный центр.

Амалия увидела его случайно.

Два года назад.

В дождь.

Она вошла через боковую дверь вместе с агентом по недвижимости, поднялась по разбитой лестнице и вдруг поняла, что хочет вернуть этому месту жизнь.

Не снести стены и оставить красивый фасад.

Не сделать очередной дорогой отель.

Она придумала пространство, где соединялись бы небольшая гостиница, ресторан, галерея, библиотека и мастерские

для художников.

Антон называл это финансовым самоубийством с красивыми окнами.

Амалия называла проектом.

Иногда они спорили.

Чаще всего оба оказывались правы.

— Есть ещё один вариант, — сказал директор по развитию.

Амалия обернулась.

— Почему я уже чувствую, что он мне не понравится?

— Потому что ты настроена оптимистично.

— Говори.

— Сегодня в четыре встреча.

— С кем?

— Частный инвестиционный фонд.

— Какой?

— «Vernier Capital».

Название ничего ей не сказал.

— Кто их привёл?

— Они сами вышли на нас.

Амалия нахмурилась.

— Когда?

— В пятницу.

— В пятницу мы ещё не знали, что основной партнёр приостановит финансирование.

Антон надел очки.

— Мы не знали.

В комнате стало тихо.

Амалия медленно повернулась.

— Что значит «мы»?

— Слухи ходили давно. Возможно, они знали о проблемах холдинга раньше нас.

— Кто будет на встрече?

— Их управляющий партнёр.

— Имя?

Директор по развитию открыл планшет.

— Сейчас

Амалия вдруг почувствовала необъяснимое напряжение.

Глупое.

Совершенно нелогичное.

— Давид Вернер, — сказал он.

Тишина.

На этот раз она стала почти осязаемой.

— Кто? — переспросила Амалия.

— Давид Вернер.

Она смотрела на него.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо? — спросил Антон.

Амалия взяла со стола чашку с остывшим кофе.

— Какое?

— Как будто ты сейчас кого-то убьёшь.

— Обычное рабочее лицо.

— Не хотел бы я работать у человека, для которого это обычное лицо, — пробормотал директор по развитию.

Амалия не ответила.

Подошла к столу.

Взяла планшет.

Открыла письмо.

Vernier Capital.

Официальный адрес.

Подпись помощника.

Предложение о встрече.

Дата отправки: пятница, 14:32.

В пятницу в 14:32 Амалия ещё не знала, что в понедельник будет сидеть в этой комнате и искать деньги.

Но Давид, возможно, знал.

Она вернула планшет.

— Встреча состоится.

— Я и не собирался её отменять.

— Подготовьте полный пакет документов. Финансы за три года, модель окупаемости, прогнозы, риски.

— Уже.

— И Антон

— Да?

— Никаких скидок.

— В каком смысле?

— Не занижай оценку проекта из-за ситуации с финанси-

рованием.

— Амалия, если они знают

— Я сказала: никаких скидок.

Антон внимательно посмотрел на неё.

— Вы знакомы?

— Нет.

Она ответила слишком быстро.

И сама это поняла.

— Мы встречались один раз.

— Где?

— На приёме.

Директор по развитию улыбнулся.

— Вот почему он заинтересовался проектом.

Амалия посмотрела на него.

Улыбка исчезла.

— Он заинтересовался проектом, потому что проект хороший.

— Разумеется.

— Именно так.

Она вышла из переговорной.

Дверь закрылась.

Амалия прошла по коридору, вошла в свой кабинет и только тогда позволила себе выругаться.

Тихо.

Но выразительно.

Телефон лежал на столе.

Она взяла его.

Открыла сообщение от неизвестного номера.

Несколько секунд смотрела на экран.

Потом набрала:

«Надеюсь, вы не собираетесь утверждать, что сегодняшняя встреча тоже случайность».

Прочитала.

Удалила.

Написала другое:

«Увидимся в четыре».

Снова удалила.

Положила телефон экраном вниз.

Нет.

Пусть приходит.

Пусть объясняет сам.

В три пятьдесят Амалия была спокойна.

В три пятьдесят пять — абсолютно спокойна.

В три пятьдесят восемь секретарь сообщил, что господин

Вернер приехал.

И Амалия поняла, что спокойствие было теоретическим.

— Пусть подождёт две минуты.

Секретарь вопросительно посмотрела на неё.

— Он пришёл вовремя.

— Я знаю.

— Тогда почему

— Полина.

— Поняла.

Дверь закрылась.

Амалия посмотрела на часы.

Это было мелко.

Она прекрасно понимала.

И всё равно заставила его ждать ровно две минуты.

В четыре часа секретарь открыла дверь.

— Господин Вернер.

Давид вошёл.

На нём был тёмно-серый костюм, белая рубашка и галстук.

Галстук удивил Амалию больше всего.

На приёме он выглядел так, словно правила существовали исключительно для других людей.

Сегодня перед ней стоял совершенно другой мужчина.

Собранный.

Деловой.

Безупречный.

Если бы не глаза.

Они остались прежними.

Давид посмотрел на Амалию.

Не улыбнулся.

— Добрый день.

Она встала.

— Господин Вернер.

В его взгляде мелькнуло что-то едва заметное.

Удивление?

Развлечение?

— Госпожа Морель.

Вот теперь удивилась она.

— Вы знаете мою фамилию.

— Сегодня я подготовился лучше.

— Значит, в прошлый раз готовились недостаточно?

— Напротив.

И всё.

Снова фраза, которую можно было понять как угодно.

Амалия протянула руку.

Давид пожал её.

Коротко.

Профессионально.

Его пальцы были тёплыми.

Она сразу отпустила руку.

— Прошу.

В переговорной уже ждали Антон, директор по развитию
и юрист компании.

Давид был один.

Это тоже показалось странным.

Люди, управляющие инвестиционными фондами, редко
приходили на такие встречи без аналитиков, помощников и
хотя бы одного человека с ноутбуком.

Давид сел напротив Амалии.

— Ваши коллеги? — спросила она.

— Не понадобятся.

— Вы уверены?

— Я уже изучил проект.

— Полностью?

— Настолько, насколько это возможно по документам.

— Быстро.

— Я умею читать.

Антон кашлянул.

Амалия открыла папку.

— Тогда не будем тратить время на общую презентацию.

— Почему же? Мне интересно услышать вашу версию.

— Версию?

— Видение.

— Это разные вещи.

— Не всегда.

Амалия подняла глаза.

Давид смотрел на неё спокойно.

Она вдруг поняла, что он делает.

Провоцирует.

Не открыто.

Совсем немного.

Проверяет, какой она будет здесь.

На своей территории.

Хорошо.

Пусть проверяет.

Амалия закрыла папку.

— «Северный дом» — не просто гостиничный проект. Мы восстанавливаем историческое здание и создаём коммерчески устойчивое культурное пространство.

Давид не отвёл взгляда.

— Звучит дорого.

— Так и есть.

— И рискованно.

— Всё интересное рискованно.

— Не всё рискованное интересно.

— Поэтому инвесторам платят за способность видеть разницу.

Антон перестал листать бумаги.

Директор по развитию посмотрел в стол.

Давид слегка откинулся в кресле.

— Продолжайте.

Амалия продолжила.

Она рассказывала о проекте двадцать минут.

О реконструкции.

О концепции.

О финансовой модели.

О партнёрах.

О том, почему «Северный дом» сможет выйти на операционную окупаемость быстрее, чем предполагают стандартные модели для гостиничного бизнеса.

Давид не перебивал.

Только иногда задавал вопросы.

Короткие.

Точные.

И неприятные.

— Вы закладываете загрузку семьдесят два процента со второго года. На основании чего?

— Исследования спроса, туристического трафика и предварительных договорённостей с корпоративными клиентами.

— Договорённости или договоры?

— На данный момент договорённости.

— Значит, не гарантированы.

— В бизнесе вообще мало гарантий.

— Деньги любят гарантии.

— Нет. Деньги любят доходность.

В уголках его глаз появились тонкие морщинки.

— Хорошо.

Через несколько минут:

— Ресторан.

— Что с ним?

— Вы хотите оставить управление внутри проекта.

— Да.

— Почему не отдать оператору?

— Потому что ресторан — часть концепции.

— Это не ответ.

— Это мой ответ.

— Он слабый.

Амалия почувствовала, как Антон напрягся.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда сильный ответ. В городе нет оператора, которому я готова доверить эту часть проекта.

— Самоуверенно.

— Обоснованно.

— Вы специалист по ресторанному бизнесу?

— Нет.

— Тогда на чём основана уверенность?

— На способности выбирать людей лучше себя в конкретной области.

Давид посмотрел на неё.

— Вы легко признаёте, что кто-то лучше вас?

— Когда это правда.

— Редкое качество.

— У вас его нет?

— Я ещё не встречал подходящего случая проверить.

На этот раз улыбнулся даже Антон.

Амалия медленно закрыла ручку колпачком.

— Скромность не относится к вашим достоинствам.

— Вы нашли мои достоинства?

— Пока ищу недостатки.

— И как успехи?

— Материала много.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Юрист Амалии кашлянул.

— Может быть, вернёмся к структуре сделки?

— Разумное предложение, — сказала Амалия.

Давид кивнул.

— Разумеется.

Следующий час прошёл почти нормально.

Почти.

Они обсуждали цифры, возможную долю фонда, график инвестиций, гарантии и контроль.

Давид оказался жёстким переговорщиком.

Не агрессивным.

Это было бы проще.

Он никогда не повышал голос, не перебивал и не давил открыто.

Он просто задавал вопрос.

Ждал ответа.

А потом задавал следующий.

Через час становилось понятно, что человек напротив уже нашёл все слабые места, а ты всё это время добровольно показывал ему их одно за другим.

Амалия начала понимать, почему о нём почти ничего нет в интернете.

Ему не требовалась известность.

Влияние, вероятно, тоже предпочитало тишину.

— Мы готовы рассмотреть инвестицию в полном объёме,
— сказал Давид.

В комнате стало тихо.

Антон первым нарушил молчание:

— Полный объём?

— Да.

— На каких условиях?

Давид назвал цифру доли.

Она была ниже, чем ожидала Амалия.

Существенно ниже.

Антон поднял голову.

Директор по развитию перестал делать записи.

Амалия смотрела на Давида.

— Щедро.

— Я не занимаюсь благотворительностью.

— Условия выглядят именно так.

— Значит, вы плохо прочитали приложение.

Юрист тут же открыл документ.

Давид продолжил:

— Фонд получает право контроля бюджета на период реконструкции, согласование крупных подрядчиков и место в совете директоров.

— Чьё? — спросила Амалия.

— Моё.

Вот оно.

Она почувствовала не удивление.

Скорее подтверждение.

— Лично ваше?

— Да.

— Вы входите в совет директоров каждого проекта фонда?

— Нет.

— Тогда почему нашего?

— Проект мне интересен.

— Проект?

— А что ещё?

Его лицо оставалось совершенно спокойным.

Амалия улыбнулась.

— Ничего.

Давид перевёл взгляд на документы.

— Кроме того, хочу сохранить за собой право участвовать в ключевых концептуальных решениях.

— Нет.

Ответ прозвучал мгновенно.

Антон медленно повернул голову в её сторону.

Давид поднял взгляд.

— Даже не обсудите?

— Нет.

— Почему?

— Потому что человек, который четыре дня назад представлялся просто Давидом и отвечал на вопрос о профессии словом «разное», не будет принимать концептуальные решения в моём проекте.

Антон снял очки.

Юрист очень внимательно изучал документ.

Директор по развитию, кажется, вообще перестал дышать.
Давид молчал.

А потом улыбнулся.

— Теперь понятно.

— Что именно?

— Почему вы хотели провести встречу лично.

— Я всегда лично встречаюсь с потенциальными инвесторами.

— Конечно.

— Не льстите себе.

— Уже поздно.

Она наклонилась ближе к столу.

— Вы знали, кто я, ещё на приёме.

— Да.

Тишина.

Простой ответ оказался неожиданнее любой игры.

Амалия медленно выпрямилась.

— Наконец-то.

— Что?

— Первый прямой ответ.

— Вы не задавали прямого вопроса.

— Я спросила, знакомы ли мы.

— И мы не знакомы.

— Вы знали моё имя.

— Знал.

— Знали о проекте?

— Да.

— О встрече?

— Она ещё не была назначена.

— Но вы уже собирались сделать предложение?

Давид чуть помолчал.

— Рассматривал такую возможность.

— До приёма?

— Да.

Амалия смотрела ему в глаза.

И чувствовала, как внутри поднимается злость.

Странная.

Смешанная с облегчением.

Хотя облегчаться было нечему.

— Значит, вы подошли ко мне, зная, кто я.

— Да.

— И ничего не сказали.

— Вы не спрашивали о фонде.

— Потому что я не знала о его существовании.

— Теперь знаете.

Она откинулась в кресле.

— Удобно.

— Я стараюсь.

— Получается, приём был проверкой?

Его взгляд изменился.

Совсем немного.

— Нет.

— Не верю.

— Это ваше право.

— А сообщение?

Давид замолчал.

Остальные люди в комнате переглянулись.

Амалия поняла, что разговор стремительно перестаёт быть деловым.

— Предлагаю сделать перерыв, — сказал Антон.

— Отличная идея, — поддержал юрист.

Никогда раньше они не соглашались друг с другом так быстро.

Через минуту дверь закрылась.

Амалия и Давид остались одни.

Она встала.

Подошла к окну.

— Очень красиво.

— Что именно?

— Вы.

Давид приподнял бровь.

Амалия повернулась.

— В смысле ваша схема.

— А я на секунду обрадовался.

— Переживёте.

— Постараюсь.

— Вы знали о проблемах нашего инвестора.

— Да.

— Знали, что мы будем искать деньги.

— Предполагал.

— Знали обо мне.

— Да.

— Пришли на приём.

— Меня пригласили.

— Случайно?

— Вы хотите, чтобы я ответил «да»?

— Я хочу, чтобы вы перестали отвечать вопросами.

Давид встал.

Не спеша.

Застегнул пуговицу пиджака.

— Вы злитесь.

— Наблюдательно.

— Почему?

Она рассмеялась.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

— Потому что я не люблю, когда мной манипулируют.

— Я вами не манипулировал.

— Вы подошли ко мне, уже зная, что через несколько дней станете потенциальным инвестором моего проекта.

— Я не был уверен, что стану им.

— Но рассматривали эту возможность.

— Да.

— И не сочли нужным сказать.

— Это был вечерний приём, Амалия. Не инвестиционный комитет.

Она замерла.

Он снова назвал её по имени.

Спокойно.

Естественно.

Без формальностей.

— Не называйте меня так.

— Как?

— Вы прекрасно понимаете.

— По имени?

— Мы на деловой встрече.

— Сейчас в комнате нет никого, кроме нас.

— Это ничего не меняет.

Давид медленно подошёл ближе.

Не слишком.

До окна оставалось несколько шагов.

Но Амалия сразу почувствовала изменение расстояния.

— Правда? — спросил он.

— Что?

— Ничего не меняет?

— Нет.

— Хорошо.

Его голос стал тише.

И совершенно неожиданно Амалия вспомнила библиотеку.

Полутёмную комнату.

Музыку за стеной.

Его дыхание у своего виска.

Она заставила себя посмотреть ему прямо в глаза.

— Вы специально это делаете?

— Что?

— Снова.

— Говорю загадками?

— Подходите слишком близко.

Давид остановился.

Посмотрел между ними.

Расстояние было совершенно приличным.

— Между нами почти два метра.

— Значит, мне показалось.

— Вам часто кажется, что я близко?

Амалия почувствовала, как по телу прокатилась волна жара.

Злость помогла.

— Поздравляю.

— С чем?

— Вы продержались почти два часа.

— Не понимаю.

— Я уже решила, что деловой костюм полностью лишил вас способности раздражать людей.

Он улыбнулся.

— Рад, что не разочаровал.

— Вы вообще способны говорить серьёзно?

Улыбка исчезла.

— Да.

Изменение произошло мгновенно.

Амалия пожалела о вопросе.

Не потому, что испугалась.

Потому что настоящий Давид, тот, который внезапно оказался перед ней, был опаснее насмешливого.

— Тогда скажите серьёзно, — произнесла она. — Зачем вам мой проект?

— Он перспективный.

— Недостаточно.

— Почему?

— Потому что я видела ваши условия.

— Они вас не устраивают?

— Они слишком хорошие.

— Вы всегда подозреваете людей, которые предлагают хорошие условия?

— Да.

— Разумно.

— Так зачем?

Давид подошёл к столу, взял её презентацию.

На обложке была фотография старого здания.

Разбитые окна.

Потемневший камень.

Река за голыми деревьями.

Он провёл пальцем по краю папки.

— Я люблю места с историей.

— Очень романтично.

— Вы спросили.

— И это весь ответ?

— На сегодня.

Амалия коротко рассмеялась.

— Конечно.

Она вернулась к столу, забрала папку из его рук.

Их пальцы соприкоснулись.

Всего на мгновение.

Но этого оказалось достаточно.

Давид не двинулся.

Амалия тоже.

Они стояли слишком близко.

Теперь действительно близко.

Она чувствовала запах его парфюма.

Тот же, что в библиотеке.

Тёплый.

Древесный.

Непозволительно знакомый спустя всего одну встречу.

Давид опустил взгляд на её руку.

Его пальцы всё ещё касались края папки.

Как и её.

Никто не отпускал первым.

Глупость.

Абсолютная.

Амалия подняла глаза.

— Вы всегда так ведёте переговоры?

— Нет.

— Хорошо.

— Обычно они проходят скучнее.

— Не сомневаюсь.

— И люди реже на меня злятся.

— Не верю.

— Зря.

Он отпустил папку.

Амалия сделала шаг назад.

Слишком быстро.

Давид заметил.

Разумеется, заметил.

— Вы нервничаете?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Нервные партнёры принимают плохие решения.

— А вы хотите, чтобы я приняла хорошее?

— Очень.

Она прищурилась.

— Для кого?

— Для себя.

— Благородно.

— Я практичный человек.

— Это я уже поняла.

— Нет.

— Что нет?

— Вы пока почти ничего обо мне не поняли.

В его голосе не было игры.

И Амалия снова почувствовала это.

Тот самый холодный укол между лопатками.

— А вы обо мне? — спросила она.

Давид не ответил.

Слишком долго.

— Именно, — сказала Амалия.

Она вернулась к своему месту и села.

— Встреча окончена.

Он посмотрел на часы.

— У нас ещё двадцать минут.

— Уже нет.

— Вы всегда заканчиваете переговоры, когда разговор становится неудобным?

— Только когда он перестаёт быть деловым.

— Кто первым спросил меня о приёме?

— До свидания, Давид.

В его глазах снова мелькнула улыбка.

— До свидания, Амалия.

Он направился к двери.

— И ещё одно.

Давид остановился.

Обернулся.

— Сообщение.

— Что с ним?

— Откуда у вас мой номер?

Он посмотрел на неё совершенно спокойно.

— У меня хорошие помощники.

— Плохой ответ.

— Зато честный.

— Я могу пожаловаться на нарушение конфиденциальности.

— Можете.

— Вам всё равно?

— Нет.

— Не похоже.

Давид открыл дверь.

— Я буду ждать вашего решения по предложению.

— Сначала я должна его изучить.

— Разумеется.

— И не рассчитывайте, что знакомство на приёме повлияет на решение.

— Я на это и не рассчитываю.

— Правда?

— Правда.

Он чуть помолчал.

— Я рассчитываю, что повлияет кое-что другое.

Амалия почувствовала раздражение.

— Что именно?

Давид посмотрел на неё.

— Любопытство.

И вышел.

— Нет.

Антон сидел напротив Амалии.

— Ты ещё даже не прочитала весь договор.

— Я не про договор.

— А про что?

— Про Вернера.

— Что с ним?

— Мне он не нравится.

Антон посмотрел на неё поверх очков.

— У нас разные определения фразы «не нравится».

Амалия подняла взгляд.

— Объясни.

— Я видел, как ты с ним разговариваешь.

— И?

— Ничего.

— Антон.

— Я женат.

— Какое это имеет отношение?

— Никакого. И я очень хочу, чтобы так всё и осталось.

Амалия бросила в него ручкой.

Он поймал её.

— По существу, пожалуйста.

— По существу предложение хорошее.

— Слишком хорошее.

— Согласен.

— Тебя это не беспокоит?

— Беспокоит.

— Тогда почему у тебя довольное лицо?

— Потому что впервые за трое суток я вижу способ не закрыть проект.

Это отрезвило.

Амалия откинулась в кресле.

За окном начинало темнеть.

Офис постепенно пустел.

На столе между ними лежала папка с предложением фонда.

— Проверил его? — спросила она.

— Кого?

— Давида.

— Насколько мог.

— И?

Антон пожал плечами.

— Фонд реальный. Деньги реальные. Проекты тоже.

— Какие?

— Недвижимость, логистика, технологии, несколько го-
стиничных объектов в Европе. Часть инвестиций через за-
крытые структуры.

— А лично он?

— Председатель инвестиционного комитета, управляющий партнёр. В публичном поле почти не появляется.

— Я заметила.

— Никаких скандалов.

— Это подозрительно.

— Для тебя — возможно.

— Семья?

Антон усмехнулся.

— Это всё ещё финансовая проверка?

— Разумеется.

— Тогда зачем тебе его семейное положение?

— Может повлиять на инвестиционные решения.

— Конечно.

— Антон.

— Нет информации.

— Вообще?

— Практически.

Амалия посмотрела на окно.

Ей не понравилось, что это разочаровало.

— Что ещё?

— Есть один интересный момент.

Она повернулась.

— Какой?

— Фонд начал собирать информацию о «Северном доме» не в пятницу.

— А когда?

— Три месяца назад.

Амалия замерла.

— Уверен?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Один из консультантов, которых они привлекали для оценки гостиничного рынка, знаком с нашим аналитиком.

Разговорились.

— Три месяца назад?

— Примерно.

Она медленно встала.

Подошла к столу.

Открыла папку.

На первой странице стоял логотип фонда.

Сдержанный.

Чёрный.

Ничего лишнего.

— Может, они просто искали проекты для инвестиций,

— сказал Антон.

— Может.

— Амалия.

— Что?

— Не придумывай заговор там, где может быть обычный бизнес.

— Я не придумываю.

— У тебя лицо человека, который уже натягивает красную нить между фотографиями подозреваемых.

Она посмотрела на него.

— У тебя есть красная нить?

— Я пошёл домой.

После его ухода Амалия ещё долго сидела одна.

Перечитала договор.

Потом ещё раз.

Антон был прав.

Предложение действительно было хорошим.

Не идеальным.

Давид получал влияние.

Доступ.

Возможность участвовать в решениях.

Но он не пытался забрать контроль.

Для проекта это могло стать спасением.

Для неё — проблемой.

Телефон завибрировал.

Амалия посмотрела на экран.

Неизвестный номер.

Тот же.

Она открыла сообщение.

«Надеюсь, договор оказался интереснее нашей первой встречи».

Амалия смотрела на текст.

Потом набрала:

«Договор предсказуемое».

Ответ пришёл почти сразу.

«Я предупредил, что вы не любите предсказуемые истории».

Она закусил губу.

Удалила первый вариант ответа.

Потом второй.

В конце написала:

«Вы заранее изучали наш проект».

Три точки появились почти мгновенно.

Исчезли.

Появились снова.

«Да».

Амалия нахмурилась.

«Почему?»

На этот раз ответ не приходил.

Минута.

Две.

Пять.

Она положила телефон на стол.

Встала.

Подошла к окну.

Город отражался в стекле.

Телефон снова завибрировал.

Амалия вернулась к столу.

Сообщение было длиннее предыдущих.

«Потому что некоторые решения я принимаю задолго до того, как окружающие понимают, что решение уже принято».

Она перечитала.

Ответила:

«Это должно звучать впечатляюще?»

«Нет».

Через несколько секунд пришло ещё одно сообщение.

«Это должно было прозвучать честно».

Амалия села.

Набрала:

«Тогда ещё один честный ответ. Приём у Лидии был случайностью?»

Долгая пауза.

Очень долгая.

Телефон оставался неподвижным.

Она уже решила, что ответа не будет.

Потом экран загорелся.

«Нет».

Амалия почувствовала, как внутри всё похолодело.

Она быстро написала:

«Вы пришли туда из-за меня?»

Сообщение было прочитано.

Ответа не последовало.

Минута.

Пять.

Десять.

Она позвонила.

Гудок.

Второй.

Третий.

На четвёртом Давид ответил.

— Да?

Его голос звучал так спокойно, будто он ждал звонка.

— Что значит «нет»?

— Добрый вечер, Амалия.

— Не начинайте.

— Что именно?

— Ваши игры.

— Я не играю.

— Вы пришли на приём из-за меня?

Пауза.

— Давид.

— Да.

Она встала.

Сама не понимая зачем.

— Зачем?

— Хотел вас увидеть.

Простой ответ.

Слишком простой.

— Почему?

— Мне было интересно.

— Что именно?

Он молчал.

— Вы знали обо мне до приёма.

— Да.

— Как давно?

Снова тишина.

— Давид.

— Достаточно давно.

Она сжала телефон сильнее.

— Это что значит?

— Именно то, что я сказал.

— Мы раньше встречались?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда откуда вы меня знаете?

— Амалия

— Нет. Сейчас вы ответите.

Его голос стал тише.

— Я не думаю, что этот разговор стоит вести по телефону.

— А я думаю, что стоит.

— Вы злитесь.

— Удивительная наблюдательность.

— Поэтому сейчас вы не услышите половину того, что я скажу.

— Попробуйте.

— Нет.

Она закрыла глаза.

— Я могу отказаться от сделки.

— Можете.

Ответ прозвучал мгновенно.

— И вас это не волнует?

— Волнует.

— Не похоже.

— Амалия, то, что я хочу инвестировать в ваш проект, не означает, что я буду покупать ваше доверие.

Её дыхание на секунду сбилось.

Потому что фраза была правильной.

Слишком правильной.

— А что вы хотите купить?

Тишина.

Она тут же пожалела о вопросе.

Не потому, что он был двусмысленным.

Потому что оба это поняли.

Голос Давида изменился.

Совсем немного.

— Сейчас мы снова перестаём говорить о бизнесе.

Амалия подошла к окну.

— Это вы начали.

— Нет.

— Вы написали мне.

— О договоре.

— Вы пришли на приём из-за меня.

— Да.

— Вы изучали проект три месяца.

На другом конце линии стало тихо.

Амалия замерла.

— Вы думали, я не узнаю?

— Я знал, что узнаете.

— Откуда?

— Потому что вы проверяете людей.

— Вас особенно.

— Я заметил.

— Тогда отвечайте.

— Не сегодня.

— Почему?

— Потому что для одного вечера у вас уже достаточно вопросов.

— Опять.

— Что?

— Вы решаете за меня.

— Нет.

— Именно это вы делаете.

— Хорошо.

Его голос стал холоднее.

— Тогда задайте один вопрос, Амалия.

Она замолчала.

— Один, — повторил Давид. — И я отвечу честно.

Слишком много вопросов сразу возникло в голове.

Кто вы?

Откуда знаете меня?

Зачем пришли?

Почему именно мой проект?

Почему я?

Но из всех возможных она выбрала другой.

Самый опасный.

— Вы намеренно сделали так, чтобы мы встретились?

Тишина.

Амалия слышала собственное дыхание.

Давид ответил:

— Да.

И отключился.

Несколько секунд она стояла неподвижно.

Потом медленно опустила телефон.

В кабинете было темно.

Только свет улицы падал на стол, бумаги и открытую папку с инвестиционным предложением.

Амалия посмотрела на фотографию «Северного дома».

На цифры.

На подпись Давида Вернера под предварительными условиями сделки.

Всё вдруг стало выглядеть иначе.

Это не было совпадением.

Ни приём.

Ни встреча.

Возможно, даже его интерес к проекту.

Она открыла телефон.

Набрала сообщение:

«Тогда зачем?»

Не отправила.

В этот момент пришло новое.

От Давида.

Всего пять слов.

«Потому что ждать больше нельзя».

Амалия почувствовала, как по коже прошёл холод.

Она написала:

«Ждать чего?»

Сообщение было доставлено.

Прочитано.

Ответа не последовало.

Амалия простояла у окна ещё несколько минут.

Потом закрыла ноутбук.

Собрала документы.

Вышла из кабинета.

Офис был пуст.

У лифта она остановилась.

На стене напротив висела большая фотография «Северного дома», сделанная ещё до начала проекта.

Амалия видела её сотни раз.

Разбитые окна.

Старая вывеска.

Дождь.

Мужская фигура на противоположной стороне улицы.

Она всегда считала её случайным прохожим.

Амалия медленно подошла ближе.

Фотография была сделана два года назад.

В тот самый день, когда она впервые увидела здание.

Она достала телефон.

Включила фонарик.

Приблизилась к фотографии.

Качество было плохим.

Лицо мужчины почти скрывал поднятый воротник паль-
то.

Но рост.

Поворот головы.

Манера стоять, засунув одну руку в карман.

Амалия почувствовала, как сердце ударило сильнее.

Нет.

Этого не может быть.

Она быстро сняла фотографию на телефон.

Увеличила.

Изображение рассыпалось на пиксели.

Лица не было видно.

Но мужчина смотрел не на здание.

Он смотрел в сторону входа.

Туда, где в тот день стояла она.

Амалия медленно опустила телефон.

Два года назад.

За два года до приёма.

За два года до их знакомства.

И впервые допустила мысль, которая показалась ей совершенно безумной.

Возможно, Давид сказал неправду только один раз.

Когда утверждал, что до того вечера они никогда не встречались.

Или

они действительно не встречались.

Потому что всё это время только один из них знал о существовании другого. **Глава 3. Условие Давида**

Амалия не спала до трёх часов ночи.

В четыре поняла, что уже поздно пытаться.

В пять встала, заварила кофе и снова открыла фотографию на телефоне.

Ту самую.

«Северный дом».

Два года назад.

Дождь.

Разбитые окна старого здания.

И мужская фигура на противоположной стороне улицы.

Она увеличивала изображение снова и снова, хотя прекрасно понимала: новых деталей не появится.

Несколько тысяч пикселей не способны превратиться в

правду только потому, что ты очень этого хочешь.

Лицо мужчины было скрыто.

Но всё остальное

Рост.

Положение тела.

Одна рука в кармане.

Чуть опущенная голова.

Амалия закрыла фотографию.

Через минуту открыла снова.

— Это может быть кто угодно, — сказала она вслух.

Квартира ответила тишиной.

Она жила одна уже почти три года и обычно любила утреннюю тишину.

Сегодня та раздражала.

Телефон лежал рядом.

Последнее сообщение Давида она прочитала, наверное, раз пятьдесят.

«Потому что ждать больше нельзя».

На вопрос «Ждать чего?» он не ответил.

Разумеется.

Давид вообще обладал раздражающим талантом: сказать ровно столько, чтобы человек начал задавать вопросы, а потом исчезнуть в тот момент, когда эти вопросы становились действительно интересными.

Амалия допила кофе.

В шесть тридцать она уже стояла под душем.

В семь пятнадцать выбирала одежду.

В восемь была в офисе.

Ни одного сотрудника ещё не было.

Она включила свет, прошла к своему кабинету и положила на стол распечатанную фотографию.

Рядом — предложение Vernier Capital.

Чёрный логотип.

Белая бумага.

И подпись Давида.

Она посмотрела сначала на фотографию.

Потом на документы.

— Кто ты такой?

Ответа, конечно, не последовало.

Телефон зазвонил.

Амалия вздрогнула.

На экране было имя Антона.

— Да.

— Почему ты уже на работе?

— А ты откуда знаешь?

— Система безопасности присылает уведомления.

— Напомни отключить тебе эту функцию.

— Даже не думай. Я сплю спокойнее, когда знаю, что ты не решила ночью снести несущую стену «Северного дома».

— Я об этом не думала.

— Значит, ночь прошла совсем плохо.

Амалия откинулась на спинку кресла.

— Ты звонишь зачем?

— Чтобы сказать, что юристы закончили первичный анализ предложения Вернера.

— И?

— Ничего криминального.

— Это разочаровывает.

— Тебя — возможно. Меня радует.

— Какие риски?

— Обычные. Фонд получает значительное влияние на бюджетирование. Твоё любимое слово «нет» придётся иногда аргументировать.

— Я всегда аргументирую.

— Ты говоришь: «Потому что я так решила».

— Очень сильный аргумент.

— Для сотрудников. Для инвестора может не сработать.

Она посмотрела на папку.

— Что ещё?

— Давид хочет провести финальный аудит проекта лично.

— Пусть проводит.

— Не здесь.

Амалия нахмурилась.

— Что?

— В письме дополнение к предложению. Пришло в половине седьмого.

Она открыла ноутбук.

— Почему я его не вижу?

— Потому что оно пришло мне и юристам.

— Уже нравится.

— Амалия.

— Читай.

— Вернер предлагает провести стратегическую сессию по проекту.

— Где?

Антон замолчал.

— Антон.

— В его загородной резиденции.

Она перестала двигаться.

— В чём?

— Я знал, что тебе понравится.

— Перешли письмо.

— Уже.

На экране появилось уведомление.

Амалия открыла документ.

Формулировка была безупречной.

Рабочая стратегическая сессия.

Три дня.

Обсуждение финансовой модели, архитектурной концепции, графика реконструкции, состава подрядчиков и будущей операционной структуры.

Встречи с несколькими экспертами фонда.

Доступ к внутренним аналитическим материалам.

Возможность провести переговоры без отвлечения на те-

кущую деятельность.

Место проведения: частная резиденция инвестора за городом.

Внизу стояла приписка:

Участие ключевого руководителя проекта обязательно.

Амалия медленно перечитала последнюю строку.

— Нет.

— Я примерно так и думал.

— Это даже не обсуждается.

— Хорошо.

— Что значит «хорошо»?

— То и значит.

— Ты слишком легко согласился.

— А что я должен делать?

— Уговаривать.

— Зачем?

Она закрыла письмо.

— Потому что проекту нужны деньги.

— Нужны.

— И тебе не нравится, что я отказываюсь.

— Не нравится.

— Тогда почему ты спокоен?

Антон вздохнул.

— Потому что я знаю тебя пятнадцать лет. Если я скажу, что ты должна поехать, ты скорее продашь квартиру и нач-

нёшь реконструкцию на эти деньги.

Амалия подумала.

— Не хватит.

— Слава богу, ты уже считала.

— Это была теоретическая оценка.

— Конечно.

— Я не поеду.

— Хорошо.

— И скажи юристам, чтобы подготовили встречные условия.

— Хорошо.

— И перестань говорить «хорошо» таким голосом.

— Каким?

— Будто ждёшь, когда я передумаю.

Антон рассмеялся.

— Я тебя люблю.

— Это взаимно.

— До встречи.

Он отключился.

Амалия ещё раз перечитала письмо.

Три дня.

В загородном доме Давида.

Совершенно нормальное деловое предложение.

Если не учитывать тот факт, что предложил его мужчина, который, возможно, наблюдал за ней два года назад.

А может быть, дольше.

Она взяла телефон.

Нашла номер.

Позвонила.

Давид ответил после второго гудка.

— Доброе утро.

Амалия нахмурилась.

— Вы знали, что это я?

— Да.

— Как?

— У меня записан ваш номер.

— Какая предусмотрительность.

— Вы собирались звонить с чужого?

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

— В вашем предложении.

— Финансовом?

— Не притворяйтесь.

На другом конце линии послышалось тихое движение.

Возможно, он тоже пил кофе.

Возможно, был в машине.

Возможно, стоял в каком-нибудь безупречно красивом кабинете и улыбался.

Последняя мысль разозлила её ещё сильнее.

— Вы говорите о стратегической сессии, — произнёс он.

— Я говорю о трёх днях в вашем загородном доме.

— Это и есть стратегическая сессия.

— У вас нет офиса?

— Есть.

— Переговорной?

— Несколько.

— Гостиницы в городе закончились?

— Насколько мне известно, нет.

— Тогда объясните.

— Что именно?

Амалия закрыла глаза.

— Почему ваш дом?

— Потому что там удобно работать.

— Потрясающий аргумент.

— Вы просили объяснить.

— Я хочу настоящий ответ.

— Я его дал.

— Не верю.

Пауза.

— Это уже становится вашей привычкой.

— Что?

— Просить честность и заранее не верить ответу.

— Возможно, потому что ваши честные ответы звучат хуже лжи.

Он тихо рассмеялся.

— Вы уже пьёте кофе?

Она открыла глаза.

— Какое это имеет отношение?

— Прямое. Без кофе вы особенно агрессивны.

Амалия медленно выпрямилась.

— Откуда вы знаете, какая я без кофе?

Тишина.

Едва заметная.

Но она услышала.

— Предположение, — ответил Давид.

— Нет.

— Что нет?

— Вы сейчас сделали паузу.

— Люди иногда делают паузы во время разговора.

— Когда придумывают ответ.

— Или когда разговаривают с человеком, который превращает утренний звонок в допрос.

— Вы сами виноваты.

— Разумеется.

— Не смейтесь.

— Я не смеюсь.

Она слышала, что смеётся.

Тихо.

И это раздражало.

А ещё хуже было то, что ей нравился звук его смеха.

— Я не приеду, — сказала Амалия.

— Хорошо.

Она замолчала.

— Что значит «хорошо»?

— Вы сказали, что не приедете. Я вас услышал.

Она ожидала чего угодно.

Уговоров.

Давления.

Напоминания о том, что проект зависит от его решения.

Но не этого.

— И всё?

— А что ещё?

— Вы не будете настаивать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы взрослый человек.

— Удивительная демократичность.

— Вы разочарованы?

— В чём?

— В том, что я вас не принуждаю.

— Не льстите себе.

— Стараюсь.

Она встала и подошла к окну.

Город только просыпался.

По улице двигались машины, первые прохожие спешили к метро, в доме напротив женщина открывала шторы.

Нормальная жизнь.

Нормальное утро.

Только её разговор был совершенно ненормальным.

— Тогда где пройдёт аудит? — спросила Амалия.

— В офисе фонда.

— Отлично.

— Но без меня.

Она медленно повернулась.

— Что?

— Я не буду участвовать.

— Почему?

— В это время меня не будет в городе.

— Где вы будете?

— В загородном доме.

Она не поверила своим ушам.

— Очень удобно.

— Я не планировал график специально ради вашего раздражения.

— Не уверена.

— А я уверен.

— Значит, моя команда встретится с вашими аналитиками.

— Да.

— И они примут решение?

— Подготовят рекомендации.

— А решение?

— Принимаю я.

Вот оно.

Амалия сжала телефон сильнее.

— То есть всё-таки ультиматум.

Голос Давида изменился.

— Нет.

— Именно.

— Нет, Амалия.

Он впервые произнёс её имя жёстко.

Не тихо.

Не насмешливо.

И она замолчала.

— Ваш проект пройдёт аудит независимо от того, приедете вы или нет, — продолжил он. — Моя команда подготовит заключение. Я его изучу. Никто не откажет вам в финансировании из-за того, что вы отказались провести три дня в моём доме.

— Но?

— Никакого «но».

— Не верю.

— Это ваша проблема.

Амалия почувствовала вспышку злости.

— Вы невыносимы.

— Мне говорили.

— Женщины, которые пытались вас понять?

Пауза.

Она вспомнила их первый разговор.

Давид тоже вспомнил.

— Хорошая память.

— На неприятных людей.

— Разумеется.

Несколько секунд они молчали.

Потом он сказал:

— Моё предложение связано не только с проектом.

Амалия замерла.

— Наконец-то.

— Что?

— Честность.

— Я не лгал.

— Просто скрывали половину смысла.

— Иногда половина смысла — всё, что человек готов услышать.

— Не решайте за меня.

— Хорошо.

Его голос стал спокойнее.

— Тогда слушайте.

Амалия ничего не сказала.

— Есть вещи, которые вы хотите узнать.

— Да.

— Я готов начать отвечать.

— Почему не сейчас?

— Потому что не хочу делать это по телефону.

— В городе тысячи ресторанов.

— Не подходит.

— Почему?

— Потому что разговор займёт больше часа.

Сердце ударило сильнее.

— Насколько больше?

— Не знаю.

— Вы всегда знаете.

— Не в этот раз.

Она почувствовала странное волнение.

Не страх.

Пока нет.

— Тогда приезжайте в офис.

— Нет.

— Почему?

— Потому что половину времени вас будут отвлекать.

— Это мой офис. Я могу выключить телефон.

— Но не сможете выключить себя.

Амалия нахмурилась.

— Что это должно означать?

— Вы используете работу, когда не хотите думать о чём-то другом.

Она не ответила.

Потому что он был прав.

И это оказалось неприятнее любых загадок.

— Вы слишком много себе позволяете, — сказала она.

— Возможно.

— Вы меня не знаете.

На этот раз пауза была долгой.

— Возможно, — повторил Давид.

Те же слова.

Но теперь они прозвучали иначе.

— Я не приеду.

— Я понял.

— И не передумаю.

— Хорошо.

— До свидания.

— Хорошего дня, Амалия.

Она отключилась первой.

Положила телефон на стол.

И только потом поняла, что всё это время стояла босиком на холодном полу своего кабинета.

Она посмотрела вниз.

Когда успела снять туфли?

Прекрасно.

Теперь он раздражал её даже дистанционно.

К одиннадцати офис заполнился людьми.

В полдень Амалия уже успела провести два совещания, отменить одно решение архитектора, поспорить с подрядчиком и почти забыть о Давиде.

Почти.

В два часа позвонила Полина.

— Амалия, к вам курьер.

— Что привёз?

— Большую коробку.

Она нахмурилась.

— От кого?

— Не написано.

— Пусть оставит у тебя.

— Хорошо.

Через пять минут любопытство победило.

Амалия вышла из кабинета.

На столе секретаря стояла продолговатая коробка из тёмного дерева.

Без ленты.

Без логотипа.

Только маленький конверт сверху.

— Открывала? — спросила Амалия.

Полина возмущённо посмотрела на неё.

— Конечно нет.

— Почему?

— Потому что она вам.

— Слабое оправдание.

Амалия взяла конверт.

Внутри была карточка.

На ней — всего несколько слов:

«К проекту отношения не имеет».

Без подписи.

Но подпись не требовалась.

— Знаешь, кто прислал? — спросила Полина.

— К сожалению.

— Поклонник?

— К сожалению.

Полина улыбнулась.

— Красивый?

Амалия посмотрела на неё.

— Иди работать.

— Значит, красивый.

Она ушла прежде, чем Амалия успела ответить.

Амалия взяла коробку и отнесла в кабинет.

Поставила на стол.

Несколько секунд не открывала.

Она не любила подарки от мужчин, которых плохо знала.

Особенно от мужчин, которые знали её слишком хорошо.

Наконец подняла крышку.

Внутри лежала книга.

Старая.

Потрёпанная.

В тёмно-зелёном тканевом переплёте.

Амалия почувствовала, как воздух застрял в лёгких.

Она не касалась книги несколько секунд.

Потом медленно протянула руку.

«Дом у моря».

Первое издание.

Она знала его.

Не просто название.

Именно эту книгу.

Точно такую.

В детстве она проводила лето в доме бабушки и каждую ночь просила читать ей несколько страниц.

Когда стала старше, читала сама.

В шестнадцать лет книга исчезла.

Амалия обвиняла кузена.

Потом дом продали.

Библиотеку разобрали.

Многие вещи потерялись.

Она никогда больше не видела это издание.

Амалия открыла обложку.

На внутренней стороне стояли две буквы, написанные детской рукой:

А. М.

У неё похолодели пальцы.

Нет.

Она провела по буквам подушечкой большого пальца.

Чернила выцвели.

Но она помнила.

В десять лет ей казалось очень взрослым подписывать книги инициалами.

Это была её книга.

Не такая же.

Её.

На дне коробки лежала ещё одна карточка.

Амалия взяла её.

«Верни на место то, что потеряла».

Она сразу позвонила Давиду.

Он не ответил.

Второй раз.

Тишина.

Третий.

Абонент был недоступен.

— Прекрасно.

Она бросила телефон на стол.

Взяла книгу.

Открыла первую страницу.

Вторую.

Третью.

И вдруг остановилась.

Между страницами лежал засушенный цветок.

Маленькая голубая незабудка.

Амалия прикоснулась к ней.

Память пришла внезапно.

Летний вечер.

Открытое окно.

Запах мокрой травы.

Она сидит на широком подоконнике в доме бабушки.

Ей семнадцать.

Книга лежит на коленях.

На улице кто-то ждёт.

Кого?

Картина исчезла так же быстро, как появилась.

Амалия закрыла глаза.

Ничего.

Только ощущение.

Она открыла их.

На цветок была намотана тонкая красная нить.

В детстве она сама так делала.

Отмечала страницы, на которых были любимые места.

Амалия перевернула лист.

На полях карандашом было написано:

«Люди возвращаются туда, где оставили часть себя».

Почерк был её.

Она смотрела на строчку.

Ничего необычного.

Всего лишь подростковая запись.

Но откуда книга у Давида?

Она взяла телефон.

Написала:

«Откуда у вас это?»

Сообщение не доставилось.

Она позвонила помощнику фонда.

Номер нашёл Антон.

— Добрый день. Мне нужен господин Вернер.

— Господин Вернер сегодня недоступен.

— Передайте, что звонила Амалия Морель.

Пауза.

— Разумеется.

— И попросите связаться со мной немедленно.

— Я передам.

— Нет. Не «передам». Вы свяжетесь с ним и скажете, что я жду звонка.

Помощник выдержал короткую паузу.

— Госпожа Морель, я не имею возможности связаться с господином Вернером в настоящий момент.

— Где он?

— Простите, я не могу сообщить.

Она отключилась.

Посмотрела на книгу.

Открыла её ещё раз.

Проверила форзац.

Последние страницы.

Переплёт.

Ничего.

В этот момент в дверь постучал Антон.

— Можно?

— Уже вошёл.

— Я рискованный человек.

Он увидел книгу.

— Что это?

— Ничего.

— Похоже на старую книгу.

— Хорошее зрение.

Антон сел.

— От него?

Она подняла голову.

— Почему ты так решил?

— У тебя то же лицо, что после его сообщений.

— Какое?

— Как будто собираешься либо убить человека, либо поцеловать. Я пока не понял.

— Убирайся.

— Значит, угадал.

Амалия закрыла книгу.

— Что ты хотел?

Антон перестал улыбаться.

— Поговорить о предложении.

— Говори.

— Нам стоит согласиться на аудит.

— Я уже согласилась.

— Не только на аудит.

Она посмотрела на него.

— Нет.

— Выслушай.

— Нет.

— Амалия.

— Ты утром сказал, что не будешь уговаривать.

— Я солгал.

— Наконец-то честный мужчина.

— Ты меня за это и ценишь.

Он наклонился вперёд.

— Три дня. С экспертами. С человеком, который принимает решение. Мы теряем что?

— Моё спокойствие.

— Оно у тебя давно потеряно.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Амалия встала.

— Я не буду жить три дня в доме незнакомого мужчины.

— В письме написано, что там будут специалисты фонда.

— В письме много чего написано.

— Ты думаешь, он собирается запереть тебя в башне?

— Нет.

— Тогда что?

Она посмотрела на книгу.

Антон проследил за её взглядом.

— Я не знаю, — сказала Амалия.

— Честно?

— К сожалению.

Он задумался.

— Может, поэтому стоит поехать?

Амалия резко повернулась.

— Гениальный совет.

— Я серьёзно.

— Человек знает обо мне вещи, которых знать не должен.

— Какие?

Она не ответила.

— Вот именно, — сказал Антон. — Ты ничего мне не рассказываешь, зато хочешь, чтобы я оценил ситуацию.

— Я сама её оценю.

— Конечно.

— Что это должно означать?

— То, что ты всегда всё делаешь сама.

— Пока работает.

— Не всегда.

Она почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Антон сразу понял.

— Прости.

— Ничего.

Речь шла не о Давиде.

О другом человеке.

О другой жизни.

Той, которую она тщательно закрыла.

— Я не поеду, — тихо сказала Амалия.

— Хорошо.

Она посмотрела на него.

— Только не ты.

— Что?

— Не говори «хорошо».

Антон поднял руки.

— Молчу.

Когда он вышел, Амалия снова открыла книгу.
Она перелистывала страницы медленно.
Почти на каждой десятой были карандашные пометки.
Её.

Чужих записей не было.

На последней странице Амалия обнаружила дату.

17 августа.

Без года.

И рядом:

«Никогда больше сюда не вернусь».

Она смотрела на запись долго.

Очень долго.

Почерк был её.

Она точно знала.

Но не помнила, почему написала это.

Вечером она поехала к матери.

Без звонка.

Это было ошибкой.

Мать открыла дверь в шёлковом халате и с маской на лице.

— Господи.

— Добрый вечер.

— Ты могла предупредить.

— Тогда я бы не увидела этого.

— Очень смешно.

Мать пропустила её внутрь.

— Чай?

— Нет.

— Вино?

Амалия подумала.

— Да.

— Вот теперь я узнаю дочь.

Они прошли на кухню.

Квартира матери почти не менялась двадцать лет.

Те же картины.

Тот же фарфор в шкафу.

Даже запах был прежним.

Цветы, кофе и немного старой мебели.

Мать достала бутылку.

— Что случилось?

— Почему обязательно что-то случилось?

— Ты приехала ко мне во вторник вечером без предупреждения.

— И?

— Последний раз ты так делала, когда тебе было двадцать шесть и ты решила бросить работу.

— Не бросила же.

— Потому что я налила тебе вина и запретила принимать решения до утра.

Она поставила бокал перед Амалией.

— Так что случилось?

Амалия достала телефон.

Показала фотографию книги.

Мать побледнела.

Совсем немного.

Но Амалия заметила.

— Откуда она у тебя?

— Значит, узнаёшь.

— Конечно. Ты таскала её повсюду.

— Она исчезла.

— Давно.

— Ты знаешь когда?

Мать отвернулась к шкафу.

— Нет.

— Подумай.

— Амалия, прошло столько лет.

— В каком году мы продали бабушкин дом?

— Ты прекрасно знаешь.

— Хочу услышать.

Мать посмотрела на неё.

— Через год после её смерти.

— Это был какой год?

— Зачем тебе?

— Мама.

— Две тысячи двенадцатый.

Амалия кивнула.

— А книга пропала раньше.

— Возможно.

— Кто разбирал вещи?

— Мы все.

— Кто конкретно занимался библиотекой?

— Я не помню.

— Мама.

— Не помню.

Слишком быстро.

Амалия поставила бокал.

— Ты врёшь.

— Не начинай.

— Я задала простой вопрос.

— А я ответила.

— Нет.

Мать села напротив.

— Что происходит?

Амалия смотрела на неё.

— Мне вернули книгу.

— Кто?

— Мужчина.

— Какой мужчина?

Вопрос прозвучал слишком резко.

Амалия медленно прищурилась.

— Его зовут Давид Вернер.

Мать не двигалась.

Только пальцы на ножке бокала сжались сильнее.

Вот теперь Амалия была уверена.

— Ты его знаешь.

— Нет.

— Знаешь.

— Я сказала нет.

— Ты даже не спросила, кто он.

— Потому что ты уже сказала.

— Мама.

— Амалия, я устала.

Мать встала.

— Не надо.

— Чего?

— Вот этого.

— Я не понимаю, о чём ты.

— Прекрасно понимаешь.

Амалия тоже поднялась.

— Кто такой Давид Вернер?

— Я не знаю.

— Тогда почему ты испугалась?

— Я не испугалась.

— Ты побледнела.

— У меня маска на лице.

Несмотря на напряжение, Амалия почти рассмеялась.

— Серьёзно?

Мать сорвала маску.

— Довольна?

— Нет.

Они смотрели друг на друга.

Никто не садился.

— Я должна идти, — сказала Амалия.

— Куда?

— Домой.

— Ты только приехала.

— Да.

Она взяла сумку.

Мать схватила её за запястье.

— Амалия.

Та остановилась.

— Что?

— Не связывайся с этим человеком.

Тишина.

Очень тихо.

Из комнаты доносился звук телевизора.

На кухне работал холодильник.

Где-то за окном сигналили машины.

— Ты только что сказала, что его не знаешь.

Мать отпустила её руку.

— Я не знаю его лично.

— Но знаешь, кто он.

— Слышала фамилию.

— Где?

— Давно.

— Где?

— Не помню.

Амалия почувствовала, как злость вытесняет растерянность.

— Хватит.

— Что?

— Все вокруг говорят со мной так, будто я ребёнок.

— Это не так.

— Давид решает, когда мне можно узнать правду. Ты решаешь, что мне не нужно знать вообще.

— Я ничего не решаю.

— Тогда расскажи.

Мать молчала.

— Именно.

Амалия пошла к двери.

— Амалия.

Она остановилась, но не обернулась.

— Не едь к нему.

Теперь она повернулась.

— Откуда ты знаешь, что он меня куда-то приглашал?

Мать застыла.

Молчание ответило лучше любых слов.

— Мама?

— Я просто предположила.

— Нет.

— Амалия

— Он звонил тебе?

— Нет.

— Тогда кто?

— Никто.

— Кто рассказал тебе о нём?

Мать отвернулась.

Амалия смотрела на неё несколько секунд.

Потом открыла дверь.

— Я узнаю сама.

— Иногда это плохая идея.

— Почему все говорят мне одно и то же?

Мать ничего не ответила.

Амалия вышла.

Она вернулась домой после десяти.

В квартире было темно.

Амалия не стала сразу включать свет.

Сняла пальто.

Бросила сумку на кресло.

Прошла на кухню.

Открыла бутылку воды.

Руки слегка дрожали.

От злости.

Только от злости.

Она достала телефон.

Ни сообщений.

Ни звонков.

Давид по-прежнему был недоступен.

— Прекрасно.

Она поставила телефон на стол.

Прошла в спальню.

Переоделась.

Сняла украшения.

Умылась.

Всё механически.

Слишком много вопросов.

Давид.

Мать.

Книга.

Дом бабушки.

Запись на последней странице.

«Никогда больше сюда не вернусь».

Она не помнила, когда написала это.

Но знала, что было одно лето, о котором почти никогда не думала.

Последнее лето перед тем, как всё изменилось.

Ей было семнадцать.

Или восемнадцать?

Она нахмурилась.

Странно.

Амалия прекрасно помнила университет.

Выпускной.

Первую работу.

Поездку во Францию.

Даже глупое платье, которое надела на двадцатилетие.
Но некоторые месяцы до поступления вспоминались
фрагментами.

Дом.

Море.

Дождь.

Ссора с матерью.

Чей-то голос.

Мужская рука на руле автомобиля.

А потом — ничего.

Телефон завибрировал.

Амалия резко повернулась.

Неизвестный номер.

Новый.

Не тот, с которого писал Давид.

Она открыла сообщение.

Фотография.

Несколько секунд Амалия просто смотрела.

Потом увеличила изображение.

На снимке была она.

Совсем молодая.

Лет семнадцать.

В белом летнем платье.

Босиком.

С распущенными волосами.

Она сидела на деревянных ступенях бабушкиного дома и

смеялась, закрывая лицо рукой.

Амалия почувствовала, как внутри всё остановилось.

Она знала этот день.

Кажется.

Жарко.

Август.

После дождя.

Но фотографии она никогда не видела.

Более того.

Это было невозможно.

В тот год она почти не фотографировалась.

После смерти бабушки мать забрала все семейные альбомы.

А потом часть фотографий пропала при переезде.

Амалия увеличила снимок.

Слева, в стекле двери, отражался человек.

Тот, кто фотографировал.

Мужчина.

Лица почти не было видно.

Только силуэт.

Белая рубашка.

Камера в руке.

И ещё кое-что.

На запястье — тёмный кожаный ремешок часов.

Совершенно незначительная деталь.

Но Амалия уже видела эти часы.

На Давиде.

В переговорной.

Она уронила телефон на кровать.

Нет.

Это невозможно.

Ей было семнадцать.

Давиду сейчас около сорока.

Значит, тогда ему было чуть больше двадцати.

Возможно.

Она попыталась вспомнить.

Мужчина в доме.

Гость отца?

Сосед?

Чей-то сын?

Ничего.

Пустота.

Телефон снова завибрировал.

Новое сообщение.

Одна строка.

«Теперь ты готова поговорить?»

Амалия смотрела на слова.

На этот раз обращение было на «ты».

Впервые.

Она открыла клавиатуру.

Пальцы зависли над экраном.

Написала:

«Где ты это взял?»

Ответ пришёл мгновенно.

«Не по телефону».

Амалия закрыла глаза.

Потом набрала:

«Ты был там?»

Три точки появились.

Исчезли.

Снова появились.

Ответ:

«Да».

Она перестала дышать.

Следующее сообщение пришло прежде, чем она успела написать.

«Но ты не помнишь».

Амалия смотрела на экран.

Затем снова на фотографию.

На своё молодое лицо.

На отражение мужчины в стекле.

На часы.

Она набрала номер.

На этот раз Давид ответил сразу.

— Амалия.

— Кто сделал эту фотографию?

Тишина.

— Ответь.

— Я.

У неё похолодели пальцы.

— Когда?

— Ты знаешь когда.

— Я хочу услышать.

— В августе две тысячи девятого.

Она села на край кровати.

— Мне было семнадцать.

— Да.

Он сказал это тихо.

Без намёка.

Без игры.

— Почему ты был в доме моей бабушки?

— Это долгий разговор.

— Начинай.

— Не по телефону.

Она рассмеялась.

Нервно.

— Конечно. Твой любимый ответ.

— На этот раз у меня есть причина.

— Ты уже тогда меня знал?

Давид молчал.

— Ты слышишь меня?

— Да.

— Ответь.

— Да.

Комната вдруг стала слишком маленькой.

— Почему я тебя не помню?

На другом конце линии стало совершенно тихо.

— Давид?

— Именно об этом я и хочу поговорить.

— Сейчас.

— Нет.

— Тогда я найду ответы без тебя.

— Знаю.

— И?

— Некоторые из них будут неправильными.

— Значит, исправь.

Он выдохнул.

Впервые Амалия услышала в нём усталость.

Настоящую.

— Приезжай.

— Нет.

— Амалия.

— Я не поеду жить в твоём доме три дня только потому, что ты решил устроить мне спектакль с книгами и фотографиями.

— Книга не была спектаклем.

— А что это было?

— Попытка заставить тебя вспомнить самостоятельно.

Она встала.

— Что именно?

Пауза.

— Меня.

У Амалии сбилось дыхание.

Она медленно подошла к окну.

За стеклом отражалась спальня.

Кровать.

Лампа.

Её собственная фигура с телефоном у уха.

— Мы были знакомы?

— Да.

— Насколько близко?

Давид не ответил.

— Давид.

— Это не вопрос для телефона.

— Почему?

— Потому что я хочу видеть твоё лицо, когда буду отвечать.

По коже прошла дрожь.

— Самоуверенно.

— Нет.

Его голос стал тише.

— Наоборот.

— Что это значит?

— Я не знаю, что ты вспомнишь.

— Я ничего не помню.

— Пока.

Амалия закрыла глаза.

— Ты предлагаешь мне поверить человеку, который три месяца изучал мой проект, организовал встречу со мной, прислал мою детскую книгу и теперь утверждает, что знал меня семнадцатилетней?

— Не поверить.

— А что?

— Выслушать.

— В твоём доме.

— Да.

— Три дня.

— Это время нужно для проекта.

— А для разговора?

Пауза.

— Возможно, больше.

Амалия почувствовала странное движение внутри.

Страх.

Любопытство.

Злость.

И нечто ещё.

Что-то, чему она пока не хотела давать имя.

— Ты уверен, что я приеду?

— Нет.

— Но прислал фотографию.

— Да.

— Это манипуляция.

— Возможно.

Его честность неожиданно обезоружила.

— Наконец-то ты признаёшь.

— Я никогда не утверждал, что хороший человек.

Амалия открыла глаза.

— А кто ты?

Давид молчал несколько секунд.

— Приезжай и реши сама.

— Очень удобно.

— Я не обещал, что будет удобно.

— А что ты обещаешь?

На этот раз пауза была долгой.

— Правду.

Амалия усмехнулась.

— Всю?

— Столько, сколько смогу.

— Значит, не всю.

— Я не буду тебе лгать.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

Они молчали.

Впервые молчание между ними не казалось игрой.

Что-то изменилось.

В его голосе.

В её страхе.

В самой истории.

— Когда? — спросила Амалия.

Давид не ответил сразу.

— В пятницу утром.

Она закрыла глаза.

Вот так просто.

Один вопрос.

Одно слово.

И она уже почти согласилась.

— Я не сказала, что приеду.

— Знаю.

— Тогда почему называешь время?

— Потому что ты спросила.

— Я могу передумать.

— Можешь.

— И не звони мне до пятницы.

— Хорошо.

— И не присылай больше ничего.

Пауза.

— Хорошо.

— Ненавижу, когда ты так говоришь.

Она услышала тихий смех.

— Спокойной ночи, Амалия.

— Давид.

— Да?

Она посмотрела на фотографию.

На юную девушку в белом платье.

На мужчину в отражении.

— Что между нами было?

Давид долго молчал.

Так долго, что Амалия решила: он не ответит.

Потом услышала:

— Ты задала не тот вопрос.

— А какой нужно?

Его голос стал едва слышным.

— Спроси, почему всё закончилось.

Связь оборвалась.

Амалия медленно опустила телефон.

Снова посмотрела на фотографию.

Внизу снимка, на ступени рядом с молодой Амалией, лежала та самая книга.

«Дом у моря».

Открытая.

Рядом — две чашки.

Не одна.

Две.

Она увеличила фотографию.

Возле второй чашки лежала мужская рука.

На безымянном пальце ничего не было.

На запястье — знакомые часы.

Амалия смотрела на снимок, пока изображение не начало расплываться перед глазами.

Семнадцать лет.

Август.

Давид.

Она повторила его имя про себя.

Ничего.

Ни лица.

Ни голоса.

Ни одного настоящего воспоминания.

Только вдруг — совсем неожиданно — в памяти мелькнуло ощущение.

Тёмная комната.

Дождь за окном.

Её ладонь в мужской руке.

И голос.

Тихий.

Молодой.

Незнакомый и одновременно до боли близкий.

— Не бойся. Я вернусь.

Амалия резко открыла глаза.

Сердце билось слишком быстро.

Воспоминание исчезло.

Она снова посмотрела на фотографию.

А затем на сообщение:

«Теперь ты готова поговорить?»

Впервые за эти дни Амалия не почувствовала злости.

Только страх.

Потому что начала подозревать:

главной тайной Давида было не то, почему он помнил её. А то, почему она забыла его. **Глава 4. Дом над морем**
Амалия передумала ехать семь раз.

Первый — утром в пятницу, когда проснулась за две минуты до будильника и несколько секунд лежала, глядя в потолок.

Второй — когда увидела у двери спальни собранный чемодан.

Третий — в тот момент, когда Антон позвонил и спросил:

— Ты уже в дороге?

— Нет.

— Почему?

— Думаю.

— Это опасно.

— Для тебя особенно.

— Амалия, просто напомню: стратегическая сессия — это три рабочих дня. Ты едешь обсуждать проект.

— Спасибо. Без тебя я собиралась взять только вечерние платья.

— С тобой никогда нельзя быть уверенным.

Она отключилась.

Через десять минут вышла из квартиры.

Восьмой раз передумать не успела.

В девять утра возле дома остановился автомобиль.

Не лимузин.

Не машина с водителем в форменной фуражке, чего она

почему-то ожидала.

Простой чёрный внедорожник.

За рулём сидел сам Давид.

Он вышел, когда увидел её.

Тёмные брюки.

Серый свитер.

Пальто.

Никакого делового костюма.

Амалия остановилась на тротуаре.

Почему-то именно отсутствие галстука вызвало у неё наибольшее беспокойство.

В переговорной всё было проще.

Там существовал стол.

Документы.

Коллеги.

Цифры.

Условия сделки.

Здесь были только они двое и её чемодан, который Давид молча взял.

— Доброе утро, — сказал он.

— Не уверена.

Он посмотрел на неё.

— Уже жалеешь?

Вопрос прозвучал на «ты».

Именно так они разговаривали по телефону после фотографии.

Но сейчас, при дневном свете, эта новая близость обращений ощущалась сильнее.

Амалия сделала вид, что не заметила.

— Я ещё могу уехать.

— Можешь.

— Ты даже не будешь меня останавливать?

— Нет.

Он положил чемодан в багажник.

— Прекрасно.

— Что именно?

— Твоя манера заставлять человека самостоятельно принимать плохие решения.

Давид закрыл багажник.

— Ты считаешь приезд ко мне плохим решением?

— Я пока собираю доказательства.

— Тогда садись.

— Очень гостеприимно.

— Я могу открыть тебе дверь.

— Не нужно.

— Я так и думал.

Амалия посмотрела на него.

— Ты всегда такой по утрам?

— Какой?

— Раздражающий.

— Только без кофе.

Она замерла.

Давид открыл водительскую дверь.

— Что?

— Ничего.

— Амалия.

— Просто вспомнила наш разговор.

— О кофе?

— Да.

— И?

— Ты утверждал, что только предполагаешь, какая я без него.

Давид несколько секунд смотрел на неё.

Потом произнёс:

— Садись. Дорога длинная.

И снова ушёл от ответа.

Она смотрела ему вслед.

— Прекрасное начало.

Первые сорок минут они почти не разговаривали.

Город медленно остался позади.

Исчезли многоэтажные дома, рекламные щиты, заправки.

Дорога становилась уже.

Потом начался лес.

Амалия несколько раз пыталась понять, куда именно они едут, но навигация на телефоне сначала показывала трассу, затем второстепенную дорогу, а потом сеть мелких ответвлений.

— Ты специально выбрал место, откуда невозможно сбе-

жать? — спросила она.

Давид не отрывал взгляда от дороги.

— Ты уже планируешь?

— Рассматриваю варианты.

— Есть железнодорожная станция.

— Далеко?

— Километров тридцать.

— Очень успокаивает.

— Могу отвезти тебя в любой момент.

— Ты всё время это подчёркиваешь.

— Что именно?

— Что я могу уехать.

— Потому что это правда.

Амалия повернулась к нему.

— Боишься, что я обвиню тебя в похищении?

— Нет.

— Тогда зачем?

Он помолчал.

— Хочу, чтобы ты это помнила.

— Странная фраза.

— Возможно.

Она смотрела на него несколько секунд, потом отвернулась к окну.

Они снова замолчали.

В машине тихо играла музыка.

Не радио.

Старая джазовая запись.

Амалия знала эту мелодию.

Когда-то отец часто включал её по вечерам.

Она посмотрела на центральную панель.

— Ты любишь джаз?

— Иногда.

— Именно этот?

— А что с ним?

— Ничего.

Давид убавил громкость.

— Отец слушал?

Амалия медленно повернула голову.

— Откуда ты знаешь?

Он продолжал смотреть на дорогу.

— Помню.

— Что именно?

— Музыку в вашем доме.

— В доме бабушки?

— Да.

Она почувствовала, как напряглись плечи.

Вот оно.

Разговор начинался.

Не за ужином.

Не в красивой комнате.

На трассе, среди леса, когда она сидела рядом с человеком, которого не помнила.

— Ты часто там бывал?

— Несколько раз.

— Сколько?

— Не считал.

— Ты был другом моей семьи?

— Нет.

— Моего отца?

— Нет.

— Тогда чьим?

Давид не ответил.

Амалия усмехнулась.

— Мы даже ещё не приехали, а ты уже начал.

— Что?

— Уклоняться.

— Я не уклоняюсь.

— Я задала вопрос.

— И отвечу.

— Когда?

— Сегодня.

— Сегодня длинное понятие.

— Амалия.

— Что?

— Мы договорились.

— Не помню такого.

Он на секунду посмотрел на неё.

— Ты приезжаешь. Мы работаем. Вечером разговарива-

ем.

— Теперь вспомнила.

— Хорошо.

— Ненавижу это слово.

Уголок его губ дрогнул.

— Я помню.

Она посмотрела на него.

Снова это.

Я помню.

Для неё последние дни были построены вокруг того, чего она не помнила.

Для него — вокруг того, что помнил он.

Это начинало злить.

— Тебе удобно, да?

Давид нахмурился.

— Что?

— Знать всё.

— Я не знаю всё.

— Знаешь больше меня.

— Это не делает ситуацию удобной.

— Для тебя хотя бы нет пустоты.

Он сжал руль немного сильнее.

Амалия заметила.

— Ты ошибаешься, — сказал он.

— В чём?

— Пустота есть.

Он больше ничего не объяснил.

Но впервые она не стала требовать.

Его голос изменился.

Всего на мгновение.

Так обычно говорят люди, случайно коснувшиеся старой боли.

Амалия отвернулась к окну.

Через несколько минут лес расступился.

Она увидела море.

Серое.

Бесконечное.

Под тяжёлым небом.

Дорога спускалась между холмами, покрытыми соснами и сухой травой.

— Я думала, мы едем к озеру.

— Почему?

— Потому что море слишком далеко.

— Уже нет.

Она посмотрела на навигацию.

Они действительно ехали почти четыре часа.

Она так увлеклась разговором и мыслями, что перестала следить за временем.

— Дом у моря, — тихо сказала она.

Давид ничего не ответил.

Амалия повернулась к нему.

— Книга.

— Я понял.

— Это тоже случайность?

— Нет.

— Разумеется.

Впереди появились ворота.

Тёмный камень.

Камера.

Никаких табличек.

Давид не остановился — створки начали открываться ещё до того, как машина приблизилась.

Дорога пошла вверх.

И через несколько минут Амалия увидела дом.

Она ожидала чего-то другого.

Старинного особняка.

Огромной виллы.

Демонстрации денег.

Дом оказался почти незаметным.

Низкое длинное здание из серого камня и дерева стояло на краю высокого берега. Со стороны дороги в нём почти не было окон.

Но когда они объехали дом, Амалия поняла почему.

Вся противоположная стена была стеклянной.

Море входило внутрь.

Или дом выходил в море.

Она не смогла решить.

— Нравится? — спросил Давид.

Она сразу ответила:

— Нет.

Он заглушил двигатель.

— Врёшь.

— Ужасное место.

— Конечно.

— Безвкусное.

— Безусловно.

— Особенно окна.

— Я их демонтирую.

Амалия повернулась к нему.

Он улыбался.

Спокойно.

Почти по-мальчишески.

И впервые с момента знакомства она увидела, каким он мог быть раньше.

Моложе.

Легче.

Без этой постоянной внутренней сдержанности.

Ощущение исчезло так быстро, что Амалия не успела понять, почему от него защемило сердце.

— Не надо, — сказала она.

— Что?

— Демонтировать окна.

— Тогда всё-таки нравятся?

Она открыла дверь.

— Я этого не говорила.

Внутри дом оказался ещё страннее.

Он был почти пуст.

Не в буквальном смысле.

Здесь стояла мебель.

Дорогая, но простая.

Большой светлый диван.

Низкий стол из грубого дерева.

Несколько кресел.

Камин.

Длинные книжные полки.

Но не было мелочей, которыми люди обычно заполняют пространство вокруг себя.

Никаких семейных фотографий.

Сувениров из поездок.

Случайных вещей.

Брошенной на спинку стула одежды.

Кружки на столе.

Почти никаких признаков жизни.

Красиво.

Слишком красиво.

Словно здесь никто не жил.

— Ты правда здесь живёшь? — спросила Амалия.

Давид поставил её чемодан у лестницы.

— Иногда.

— Что значит иногда?

— Иногда приезжаю.

— Удивительно содержательный ответ.

— Ты задаёшь удивительно точные вопросы.

Она прошла к окну.

Море было прямо перед ней.

Внизу волны разбивались о чёрные камни.

— Здесь красиво.

— Спасибо.

— Я сказала про море.

— Я тоже.

Амалия посмотрела на него через плечо.

— Ты построил дом?

— Да.

— Сам?

— Архитектор будет оскорблён.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Участвовал во всём.

— Давно?

— Шесть лет назад.

— Почему здесь?

Он подошёл к стеклу.

Встал рядом.

Не слишком близко.

— Здесь тихо.

— И всё?

— Этого мало?

Амалия смотрела на море.

— Для человека вроде тебя — да.

— Какого человека?

— Который ничего не делает просто так.

Он повернул голову.

— Ты уже составила обо мне мнение.

— Пока только предварительное заключение.

— И какое?

— Подозрительный.

— Это я слышал.

— Манипулятор.

— Тоже.

— Самоуверенный.

— Несправедливо.

— Почему?

— Я не самоуверенный.

Она рассмеялась.

— Конечно.

Давид смотрел на неё.

Не улыбаясь.

Но взгляд стал теплее.

Амалия почувствовала это сразу.

И отвернулась первой.

— Где остальные?

— Кто?

— Эксперты фонда.

— Приедут завтра.

Она резко повернулась.

— Что?

— Сегодня мы работаем вдвоём.

— В письме

— В письме было сказано, что они будут участвовать в стратегической сессии.

— Я предполагала, что сегодня тоже.

— Почему?

— Потому что сегодня уже началась стратегическая сессия.

— Мы можем поработать без них.

— То есть сегодня здесь только мы?

— И Марта.

— Кто такая Марта?

В этот момент в дальнем конце пространства появилась женщина лет шестидесяти с серебристыми волосами.

— Человек, который слышит гораздо лучше, чем господин Вернер думает.

Давид закрыл глаза.

Амалия улыбнулась.

Женщина подошла к ним.

— Добрый день. Я Марта. Слежу, чтобы этот дом окончательно не стал похож на дорогой мавзолей.

— Марта.

— Что?

— Ничего.

— Вот и хорошо.

Она протянула Амалии руку.

— Я рада, что вы приехали.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда почему рады?

Марта посмотрела на Давида.

— Потому что последние несколько дней он стал ещё невыносимее обычного.

Амалия рассмеялась.

— Мы найдём общий язык.

— Я уже вижу.

Давид взял чемодан.

— Покажу комнату.

— Сам? — удивилась Марта. — Какой прогресс.

— Марта.

— Молчу.

Амалия пошла за Давидом вверх по лестнице.

— Она работает у тебя?

— Формально.

— А неформально?

— Делает что хочет.

— Уже нравится.

— Я заметил.

На втором этаже был длинный коридор.

Справа — окна на море.

Слева — несколько дверей.

Давид открыл одну.

— Твоя комната.

Амалия вошла.

И остановилась.

Комната была светлой.

Большая кровать.

Кресло возле окна.

Небольшой письменный стол.

Дверь на балкон.

Ничего лишнего.

Но на прикроватной тумбе лежала книга.

Современное издание романа, который она упоминала в интервью несколько лет назад.

Рядом стояли белые лилии.

Амалия смотрела на них.

— Не нравятся?

— Что?

— Цветы.

— Почему именно лилии?

Давид замер у двери.

— А что с ними?

— Я люблю лилии.

— Многие любят.

— Я никогда тебе этого не говорила.

— Это тайна?

Она повернулась.

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

— Ни в чём.

Его взгляд стал внимательнее.

— Амалия.

— Что?

— Если хочешь спросить — спроси.

Она указала на цветы.

— Ты поставил их специально?

— Да.

— Откуда знал?

Он помолчал.

— Помнил.

Снова.

Это слово.

— С две тысячи девятого?

— Да.

Амалия медленно провела пальцами по лепестку.

Внутри стало холодно.

— Я тогда тоже любила лилии?

— Очень.

— Откуда ты знал?

— Ты рассказывала.

Она посмотрела на него.

— Значит, мы разговаривали.

— Да.

— Много?

— Да.

— Долго?

— Амалия.

— Что?

— Не сейчас.

Она коротко усмехнулась.

— Конечно.

Давид сделал шаг назад.

— Через час начнём работу.

— Где?

— В кабинете внизу.

— Хорошо.

Он уже хотел закрыть дверь.

— Давид.

Остановился.

— Где твоя спальня?

Вопрос вырвался случайно.

По крайней мере, Амалия сразу решила считать именно так.

Его лицо не изменилось.

Только взгляд.

— В конце коридора.

Она посмотрела туда.

Последняя дверь.

Далеко.

— Я просто спросила.

— Я просто ответил.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

Он закрыл дверь.

Амалия осталась одна.

Через несколько секунд подошла к окну.

Посмотрела на море.

Потом — на лилии.

На книгу.

На кресло.

На серый шерстяной плед, аккуратно сложенный возле окна.

Она подошла ближе.

Потрогала.

Мягкий.

И вспомнила.

В офисе она всегда мёрзла.

Даже летом.

На совещаниях таскала с собой кардиган.

— Это уже паранойя, — сказала она себе.

Возможно, плед лежал здесь всегда.

Возможно, лилии действительно были случайным выбором.

Книга — рекомендацией Марты.

И море просто находилось за окном, потому что дом стоял на берегу.

Возможно.

Только Амалия больше не верила в совпадения.

Особенно в доме Давида.

Работали они действительно много.

К удивлению Амалии, Давид не использовал день как предлог для разговоров о прошлом.

С двух часов до семи они почти не отвлекались.

На столе в кабинете лежали планы «Северного дома», расчёты, схемы будущих помещений и финансовые модели.

Давид задавал вопросы.

Амалия спорила.

Он не соглашался.

Она доказывала.

Иногда они повышали голоса.

Точнее, повышала Амалия.

Давид становился только тише.

И это раздражало ещё сильнее.

— Нет, — сказала она в очередной раз.

— Почему?

— Потому что бар нельзя переносить туда.

— Почему?

— Я уже объяснила.

— Нет. Ты сказала, что не хочешь.

— Потому что это разрушит концепцию пространства.

— Как?

Она встала.

Подошла к плану.

— Смотри.

Давид встал рядом.

Амалия наклонилась над чертежом.

— Основное движение гостей идёт отсюда. Если мы переносим бар сюда, возникает визуальная граница.

— Которую ты можешь убрать материалами.

— Нет.

— Почему?

— Потому что люди всё равно будут чувствовать разделение.

— Ты уверена?

— Да.

— На основании?

Она подняла голову.

Давид стоял слишком близко.

Снова.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить вопрос.

— На основании опыта.

— Очень научно.

— Я чувствую пространство.

— Вот как?

— Да.

Он посмотрел на неё.

— А людей?

— Что людей?

— Тоже чувствуешь?

Она выпрямилась.

— Иногда.

— Меня?

В кабинете стало тихо.

Амалия не отвела взгляд.

— Тебя особенно.

— И что чувствуешь?

Она знала, что нужно отойти.

Вместо этого осталась.

— Что ты постоянно что-то скрываешь.

— Это всё?

— Нет.

— Что ещё?

Она смотрела ему в глаза.

Серые.

Сейчас почти тёмные.

— Ты хочешь, чтобы я спросила.

— О чём?

— Вот опять.

— Я действительно не понимаю.

— Врёшь.

— Я обещал не лгать.

— Обещал.

— И не лгу.

— Тогда ответь.

— На какой вопрос?

Она сделала шаг назад.

— Неважно.

Давид снова посмотрел на чертёж.

— Бар оставляем.

Амалия нахмурилась.

— Что?

— Ты убедила.

— Так быстро?

— Я умею признавать, что кто-то лучше меня в конкретной области.

Она замерла.

Это были её собственные слова.

С переговоров.

— У тебя хорошая память.

— Да.

Снова это.

Амалия закрыла папку.

— На сегодня хватит.

— Согласен.

— Который час?

— Почти семь.

Она удивилась.

Пять часов прошли незаметно.

— Ужин в восемь, — сказал Давид.

— Это приглашение?

— Информация.

— Очень романтично.

Он посмотрел на неё.

— Ты ждала романтики?

— От тебя? Боже упаси.

— Хорошо.

— Ненавижу это слово.

— Помню.

Она бросила в него карандашом.

Он поймал.

В восемь пятнадцать Амалия спустилась вниз.

Опоздала намеренно.

На пятнадцать минут.

Мелко.

Она понимала.

Но приятно.

Давид ждал на террасе.

Стол был накрыт на двоих.

Море за стеклянными ограждениями террасы стало почти чёрным.

Где-то далеко мерцали огни корабля.

Горели свечи.

Низкие.

Без цветов.

Без музыки.

Никаких демонстративно романтических деталей.

Именно поэтому всё выглядело опасно романтичным.

Давид встал.

На нём была чёрная рубашка.

Без пиджака.

Рукава закатаны до локтей.

Амалия посмотрела на часы на его запястье.

Тот самый тёмный ремешок.

Он заметил.

— Что?

— Ничего.

— Ты смотришь на часы.

— Они старые?

Давид опустил взгляд на запястье.

— Да.

— Насколько?

— Лет двадцать.

— Значит, на фотографии действительно они.

Он посмотрел на неё.

— Да.

— Почему ты их до сих пор носишь?

— Привычка.

— Ты не похож на человека, который держится за старые

вещи.

— Ты многого обо мне не знаешь.

— Именно поэтому я здесь.

Он отодвинул для неё стул.

Амалия села.

— Как галантно.

— Не привыкай.

— Не планировала.

Марта принесла еду.

Ничего сложного.

Рыба.

Овощи.

Тёплый хлеб.

Белое вино.

Амалия посмотрела на тарелку.

— Я не ем мясо вечером.

Давид замер.

Всего на секунду.

— Знаю.

Вот теперь она положила вилку.

— Серьёзно?

Марта, стоявшая у стола, посмотрела на Давида.

Тот ничего не сказал.

— Я пойду, — произнесла она. — А вы двое попробуйте не убить друг друга до десерта.

— Марта, — сказал Давид.

— Я уже далеко.

Она ушла.

Амалия продолжала смотреть на него.

— Откуда?

— Что?

— Ты знаешь, что я не ем мясо вечером.

— Это не секретная информация.

— Она написана в моём бизнес-плане?

— Нет.

— В интервью?

— Не думаю.

— Тогда откуда?

Давид налил ей вина.

— Ты всегда так делала.

Она не взяла бокал.

— Семнадцать лет назад?

— Да.

— И ты помнишь?

— Да.

— Лилии.

— Да.

— Кофе.

— Да.

— Музыку моего отца.

— Да.

Амалия медленно выдохнула.

— А я не помню даже твоего лица.

Давид опустил глаза.

И впервые за всё время она увидела, что её слова причинили ему боль.

Не раздражение.

Не злость.

Боль.

Она появилась на секунду и сразу исчезла.

Но Амалия успела заметить.

— Почему? — тихо спросила она.

Он взял бокал.

— Давай сначала поедим.

Она рассмеялась.

Без веселья.

— Нет.

— Амалия.

— Ты сказал, что вечером будешь отвечать.

— Буду.

— Вечер наступил.

— Наступил.

— Тогда начинай.

Давид поставил бокал.

— Хорошо.

Он произнёс её ненавистное слово без улыбки.

— Что ты хочешь знать?

— Всё.

— Так не получится.

— Почему?

— Потому что «всё» — не вопрос.

— Не начинай.

— Я серьёзно.

— Хорошо.

Она наклонилась вперёд.

— Где мы познакомились?

— В доме твоей бабушки.

— Я это уже знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хочу услышать от тебя.

Давид немного помолчал.

— Я приехал к человеку, который работал с твоим отцом.

— К кому?

— К Михаилу Рейну.

Амалия нахмурилась.

Имя было знакомым.

Смутно.

— Я помню его.

— Он несколько лет занимался финансовыми вопросами
вашей семьи.

— Партнёр отца?

— Скорее консультант.

— И ты приехал к нему?

— Да.

— Зачем?

— По своим делам.

— Каким?

— Это отдельная история.

Она откинулась в кресле.

— Конечно.

— Ты хотела знать, как мы познакомились.

— Продолжай.

Давид посмотрел на море.

— Ты приехала туда за несколько дней до меня.

— С матерью?

— Сначала одна.

Амалия нахмурилась.

— Нет.

— Да.

— Я не ездила туда одна.

— Ездила.

— Мне было семнадцать.

— Автобусы существовали и тогда.

Она почти улыбнулась.

— Очень смешно.

— Я встретил тебя возле магазина в посёлке. Ты поссорилась с продавцом.

— Почему?

— Она не хотела принимать порванную купюру.

Амалия замерла.

Где-то очень далеко в памяти мелькнуло ощущение.

Жара.

Маленький магазин.

Запах хлеба.

Женский голос.

И чей-то смех за спиной.

Она прижала пальцы к виску.

— Что?

Давид сразу заметил.

— Ничего.

— Ты вспомнила?

— Нет.

— Амалия.

— Я сказала нет.

Он замолчал.

— Что было потом?

— Я заплатил за воду.

— За мою?

— Да.

— Очень героически.

— Я всегда был благородным.

— Не верю.

— Правильно.

Она улыбнулась.

И это было странно.

Сидеть напротив него.

Слушать историю собственной жизни как рассказ о другом человеке.

— Потом?

— Ты сказала, что вернёшь деньги.

— Похоже на меня.

— Я сказал, что не нужно.

— Тоже похоже на тебя.

— Ты разозлилась.

— Определённо похоже на меня.

Давид улыбнулся.

— А потом?

— Потом вернула.

— Деньги?

— В тот же вечер.

— Как ты оказался у дома?

Улыбка исчезла.

— Я уже говорил. Приехал к Михаилу.

— Он жил у нас?

— В гостевом доме.

Амалия пыталась вспомнить.

Старый сад.

Деревянный домик за деревьями.

Чья-то машина.

Мужские голоса.

Фрагменты.

— Сколько тебе было?

— Двадцать пять.

Амалия посмотрела на него.

— Восемь лет разницы.

— Да.

— Между нами что-то было?

Вопрос прозвучал резко.

Давид замер.

— Нет.

Она не ожидала, что это заденет.

Но задело.

Совершенно нелепо.

— Так быстро ответил.

— Потому что это правда.

— Ничего?

— Ничего.

Он смотрел ей прямо в глаза.

— Тебе было семнадцать.

Амалия почувствовала облегчение.

И одновременно непонятное разочарование.

Она разозлилась на себя за последнее.

— Тогда почему ты сказал, что я спрашиваю не о том?

— Потому что мы были близки иначе.

— Как?

Давид отвёл взгляд.

— Мы разговаривали.

Она рассмеялась.

— И всё?

— Иногда это больше, чем «всё».

Что-то в его голосе заставило её замолчать.

— О чём?

— Обо всём.

— Очень конкретно.

— Ты рассказывала, что хочешь уехать. Что ненавидишь решения отца. Что боишься стать похожей на мать.

Амалия напряглась.

— Я такого не говорила.

— Говорила.

— Я никогда

Она остановилась.

Никогда что?

Не думала так?

Думала.

Именно в семнадцать.

Но никому не рассказывала.

Почти никому.

— Что ещё?

Давид посмотрел на неё.

— Ты хотела создать место, где людям не придётся при-
творяться.

Амалия перестала двигаться.

— Что?

— Так ты сказала.

— Нет.

— Да.

— «Северный дом» появился намного позже.

— Я знаю.

— Идея

Она замолчала.

Идея проекта всегда казалась ей внезапной.

Тот дождливый день.

Старое здание.

Пустые комнаты.

Она увидела его и поняла.

Так ей казалось.

— Ты хочешь сказать, что я придумала это тогда?

— Нет.

— А что?

— Что некоторые идеи живут в нас гораздо дольше, чем мы думаем.

Амалия взяла бокал.

Выпила.

— Почему я не помню?

Давид опустил взгляд.

Вот он.

Главный вопрос.

— Давид.

— Я не знаю.

— Врёшь.

— Нет.

— Ты знаешь.

— Я знаю, что произошло потом.

— Что?

Он молчал.

— Именно это я хочу узнать.

— Не сегодня.

Она поставила бокал слишком резко.

— Мы снова пришли туда же.

— Амалия.

— Ты привёз меня сюда ради разговора.

— Ты приехала сама.

— Не цепляйся к словам.

— Я не цепляюсь.

— Тогда отвечай.

Давид встал.

Прошёл к краю террасы.

Амалия смотрела ему вслед.

— Ты обещал правду.

— И не солгал.

— Недоговорённость — удобная форма лжи.

Он обернулся.

— Иногда правда должна приходиться постепенно.

— Кто дал тебе право решать?

— Никто.

— Тогда почему ты решаешь?

Он долго смотрел на неё.

— Потому что однажды уже сделал ошибку.

— Какую?

— Решил, что ты справишься с правдой.

Амалия почувствовала холод.

— И что произошло?

— Не сегодня.

Она рассмеялась.

— Невероятно.

— Я понимаю, что ты злишься.

— Нет, ты ничего не понимаешь.

Амалия тоже встала.

— Ты знаешь моё прошлое лучше меня. Ты знал меня.

Помнишь, что я ела, какие любила цветы, о чём мечтала. А я стою перед тобой и не знаю ничего.

— Знаю.

— Нет.

Она подошла ближе.

— Ты не знаешь, каково это.

— Знаю гораздо лучше, чем ты думаешь.

— Опять загадка?

— Нет.

Он говорил тихо.

Амалия остановилась в двух шагах.

— Тогда объясни.

Давид смотрел на неё.

— Есть вещи, которые я должен был сказать тебе много лет назад.

— Какие?

— И есть вещи, которых я не должен был говорить вообще.

— Какие?

— Амалия.

— Что?

— Остановись.

Она почти рассмеялась.

— Почему?

— Потому что ты сейчас не спрашиваешь.

— А что я делаю?

— Наказываешь меня.

Она замолчала.

Давид сделал шаг ближе.

— Имеешь право.

Ещё один.

Теперь между ними оставалось совсем мало пространства.

— Но не делай вид, что тебе нужны только ответы.

Дыхание Амалии стало медленнее.

— А что ещё мне нужно?

Его взгляд опустился на её губы.

Совсем ненадолго.

Но она увидела.

— Не знаю, — сказал он.

— Врёшь.

— Возможно.

— Ты обещал не лгать.

— Тогда не спрашивай то, на что сама знаешь ответ.

Её сердце ударило сильнее.

Он стоял близко.

Так близко, что она ощущала тепло его тела, хотя ветер с моря был холодным.

Амалия подняла подбородок.

— Ты снова это делаешь.

— Что?

— Подходишь слишком близко.

Давид посмотрел между ними.

— Ты можешь отойти.

— Могу.

Она не двинулась.

Он тоже.

Ветер растрепал волосы Амалии.

Прядь упала на лицо.

Давид поднял руку.

Медленно.

Так, что она могла остановить.

Она не остановила.

Его пальцы коснулись её виска.

Убрали прядь.

Касание было едва заметным.

Но Амалия почувствовала его всем телом.

Пальцы задержались возле её щеки.

Всего на секунду.

Она смотрела ему в глаза.

— Ты помнишь меня семнадцатилетней, — тихо сказала она.

— Да.

— А сейчас?

Его взгляд изменился.

— Что сейчас?

— Кого ты видишь сейчас?

Давид молчал.

Она чувствовала его дыхание.

— Ответь.

— Женщину, которая задаёт слишком опасные вопросы.

— Для кого?

— Для меня.

Честность прозвучала почти грубо.

Амалия перестала дышать.

Вот он.

Первый настоящий разлом в его спокойствии.

Она увидела.

И почувствовала странное, почти порочное удовлетворение.

— Наконец-то.

— Что?

— Что-то настоящее.

— Не играй.

Его голос стал ниже.

— Я не играю.

— Играешь.

— Тогда останови меня.

Это была провокация.

Она знала.

Он тоже.

Амалия сделала последний шаг.

Теперь между ними почти не осталось расстояния.

Её ладонь легла на его грудь.

Она почувствовала под пальцами тепло.

И сильный удар сердца.

Ещё один.

Ещё.

Давид не был спокоен.

Совсем.

Она подняла глаза.

— Кажется, тебе хуже, чем мне.

— Намного.

— Не похоже.

— Я лучше притворяюсь.

Амалия улыбнулась.

Её пальцы медленно сжали ткань его рубашки.

Совсем немного.

Давид закрыл глаза на мгновение.

Когда открыл, в его взгляде уже не было ничего спокойного.

Он коснулся её талии.

Не притянул.

Просто положил ладонь.

Но от этого прикосновения внутри у неё всё сжалось.

Амалия знала, что нужно остановиться.

Спросить.

Отойти.

Вспомнить обо всех причинах, по которым нельзя доверять этому человеку.

Вместо этого она сказала:

— Давид.

Он наклонился к ней.

Медленно.

Так медленно, что это было почти жестоко.

Его лицо оказалось совсем близко.

Амалия почувствовала дыхание на губах.

Ещё несколько сантиметров.

Она закрыла глаза.

И в этот момент Давид отстранился.

Резко.

Будто прикоснулся к огню.

Амалия открыла глаза.

Он стоял в шаге от неё.

Тяжело дышал.

Смотрел куда-то в сторону.

— Что?

Он ничего не ответил.

— Давид?

— Нет.

Одно слово.

Тихое.

Но оно ударило сильнее, чем должно было.

Амалия выпрямилась.

— Что — нет?

Он провёл рукой по лицу.

— Не так.

— Как?

— Так.

Она смотрела на него.

Внутри медленно поднималось унижительное ощущение.

Обида.

Глупая.

Подростковая.

Почти физическая.

— Очень понятно.

— Амалия.

— Нет, всё прекрасно.

Она отошла к столу.

Взяла бокал.

Рука едва заметно дрожала.

Она поставила его обратно.

— Я не хотел

— Только не надо.

— Послушай.

— Что именно? Что я неправильно поняла?

— Нет.

— Что это было воспоминание о прошлом?

Его лицо изменилось.

И это сделало только хуже.

Амалия усмехнулась.

— Вот оно что.

— Ты опять делаешь выводы.

— А ты опять ничего не объясняешь.

— Я хотел тебя поцеловать.

Она замерла.

— Тогда в чём проблема?

Давид посмотрел на неё.

Долго.

— В том, что хочу до сих пор.

Сердце ударило сильнее.

Она ненавидела себя за реакцию.

— Очень трагично.

— Амалия.

— Нет. Правда. Мужчина хочет поцеловать женщину,

женщина не возражает. Ужасная ситуация.

Он сделал шаг к ней.

Она подняла руку.

— Не надо.

Давид остановился.

— Вот видишь, я тоже умею.

— Что?

— Останавливаться.

Она сама услышала горечь в собственном голосе.

Проклятие.

Давид тоже услышал.

— Я не остановился потому, что не хочу тебя.

— Мне всё равно.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тебя вижу.

— Не смей.

— Что?

— Говорить со мной так, будто снова знаешь меня лучше
меня самой.

Тишина.

Он опустил взгляд.

— Прости.

Это было неожиданно.

Амалия даже растерялась.

— Что?

— Ты права.

— Не ожидала.

— Я часто неправ.

— Это нужно записать.

— Не порть момент.

Она почти улыбнулась.

Но не позволила себе.

— Почему ты остановился?

Давид отвернулся к морю.

— Я сказал.

— «Не так» — ничего не объясняет.

Он молчал.

— Это связано с прошлым?

Молчание.

Амалия почувствовала новую волну злости.

— Конечно.

Она направилась к двери.

— Куда ты идёшь?

— Спать.

— Сейчас девять часов.

— Я устала.

— Амалия.

Она остановилась.

Не обернулась.

— Я не хотел, чтобы первый раз между нами произошёл тогда, когда ты злишься и не понимаешь, кто я.

Она медленно повернулась.

— Первый раз что?

Давид посмотрел на неё.

И впервые за весь вечер смутился.

Почти незаметно.

— Поцелуй.

Она скрестила руки.

— Ты очень далеко планируешь.

— Это не план.

— Похоже.

— Если бы у меня был план, всё прошло бы лучше.

Амалия рассмеялась.

Не удержалась.

Напряжение немного отступило.

Совсем немного.

— Наконец-то честный ответ.

— Я стараюсь.

— Плохо получается.

— Знаю.

Они снова смотрели друг на друга.

Теперь между ними было несколько метров.

И почему-то это расстояние ощущалось более интимным, чем его ладонь на её талии.

— Спокойной ночи, Давид.

— Спокойной ночи.

Она пошла к двери.

— Амалия.

Обернулась.

— Что?

Он стоял там же.

На фоне тёмного моря.

— Закрой дверь комнаты.

Она нахмурилась.

— Почему?

— Потому что я не уверен в собственном благоразумии.

Несколько секунд она не понимала, шутит он или нет.

Лицо Давида оставалось серьёзным.

— Это должно меня напугать?

— Нет.

— А что?

— Помочь мне.

Она почувствовала, как внутри снова поднимается тепло.

— Сам справляйся.

И ушла.

В своей комнате Амалия закрыла дверь.

Через секунду открыла.

Посмотрела в пустой коридор.

Закрыла снова.

— Идиотка.

Она подошла к зеркалу.

Посмотрела на своё отражение.

Щёки были слишком яркими.

Глаза тоже.

Она коснулась губ.

Он даже не поцеловал её.

Вот что было самым унижительным.

Ничего не произошло.

Практически.

Пальцы на виске.

Ладонь на талии.

Её рука на его груди.

Несколько сантиметров между их губами.

И всё.

Но тело помнило каждую секунду.

Хуже того — хотело продолжения.

Амалия сердито сняла серьги.

Положила на стол.

Потом сняла платье.

Надела шёлковый халат.

Открыла балконную дверь.

Ветер ворвался в комнату.

Холодный.

Это помогло.

Ненадолго.

Она вышла на балкон.

Внизу горел свет.

Давид всё ещё стоял на террасе.

Один.

Он держался руками за ограждение и смотрел на море.
Амалия могла уйти внутрь.

Но осталась.

Через несколько секунд Давид словно почувствовал её
взгляд.

Поднял голову.

Увидел.

Расстояние между ними было большим.

Он ничего не сказал.

Она тоже.

Они просто смотрели друг на друга.

А потом Амалия первой вошла в комнату.

Закрыла балкон.

Задёрнула шторы.

Легла в кровать.

И почти час убеждала себя, что ей совершенно всё равно,
почему Давид остановился.

Совершенно.

В половине первого она встала выпить воды.

В доме было тихо.

Амалия спустилась вниз.

На кухне горела маленькая лампа.

Она налила воду.

Повернулась.

И увидела на полке фотографию.

Первую личную фотографию в этом доме.

Чёрно-белую.

Молодой Давид стоял рядом с мужчиной, которого Амалия узнала не сразу.

Михаил Рейн.

Тот самый финансовый консультант её отца.

Мужчины стояли возле старой пристани.

На обратной стороне рамки была дата.

Август 2009.

Амалия застыла.

Медленно перевернула фотографию обратно.

За спиной раздался голос:

— Не спится?

Она резко обернулась.

Давид стоял в дверях.

Босиком.

В тёмной футболке и брюках.

Без привычной брони.

Без костюма.

Без пальто.

Без расстояния.

Амалия поставила фотографию на место.

— Ты сказал, что Михаил был связан с моей семьёй.

— Да.

— На фотографии вы выглядите как близкие люди.

Давид молчал.

— Кем он был для тебя?

— Человеком, которому я доверял.

— Что с ним случилось?

Взгляд Давида стал холодным.

Не к ней.

К чему-то далёкому.

— Он умер.

— Когда?

— Через три месяца после того лета.

Амалия почувствовала холод.

— Как?

— Несчастный случай.

Слишком быстрый ответ.

Слишком ровный.

— Ты не веришь, что это был несчастный случай.

Давид посмотрел на неё.

— Иди спать.

— Значит, не веришь.

— Амалия.

— Это связано со мной?

— Нет.

Он ответил резко.

Она замолчала.

— С моей семьёй?

На этот раз Давид ничего не сказал.

И молчание оказалось ответом.

Амалия медленно поставила стакан на стол.

— Вот почему ты нашёл меня.

— Всё сложнее.

— Значит, я права.

— Я не сказал этого.

— Но и не сказал «нет».

Давид сделал шаг в кухню.

— Сейчас почти час ночи.

— Правда? Какая полезная информация.

— Завтра трудный день.

— У тебя все важные разговоры заканчиваются расписанием?

— Только те, которые могут закончиться плохо.

— Для кого?

Он остановился.

И снова посмотрел на неё так, что воздух между ними изменился.

Амалия сразу почувствовала.

Это возвращалось.

То, что произошло на террасе.

Только теперь они были одни.

Ночью.

Она была в тонком халате.

Он — без своей обычной безупречной одежды.

Слишком настоящий.

Слишком близкий.

Давид отвёл взгляд первым.

— Иди спать.

Эта фраза задела её сильнее, чем должна была.

— Не беспокойся.

Она прошла мимо него.

У самой двери остановилась.

— Давид.

— Да?

— Я не собираюсь больше делать первый шаг.

Он медленно повернулся.

Амалия посмотрела ему прямо в глаза.

— Ни в разговоре.

Пауза.

— Ни в чём другом.

И вышла.

Поднимаясь по лестнице, она чувствовала его взгляд на спине.

Но не обернулась.

В комнате Амалия закрыла дверь.

На замок.

Постояла несколько секунд.

А затем, раздражённая больше всего на свете собственным разочарованием, поняла неприятную вещь.

Она хотела, чтобы Давид пришёл за ней.

Хотела услышать шаги в коридоре.

Стук в дверь.

Его голос.

Но дом оставался тихим.

Минута.

Пять.

Десять.

Ничего.

Амалия легла.

Закрыла глаза.

И решила:

хорошо.

Раз Давид так гордится своим самообладанием, она больше не собирается облегчать ему задачу.

Завтра правила изменятся.

И на этот раз первой остановится не она.**Глава 5. Правила игры**

Утром Давид выглядел человеком, который прекрасно спал.

Амалия сразу его за это возненавидела.

Он сидел на террасе с чашкой кофе и читал что-то на планшете. Белая рубашка, тёмные брюки, босые ноги. Рукава небрежно закатаны до локтей.

Море за его спиной было спокойным и почти серебристым.

Слишком красивая картина.

Слишком спокойный мужчина.

Слишком несправедливо.

Амалия остановилась в дверях.

Ночью она спала часа три.

Остальное время злилась.

На Давида.

На себя.

На дверь, в которую никто так и не постучал.

Последнее раздражало особенно сильно.

Не то чтобы она ждала.

Конечно нет.

Она просто несколько раз просыпалась.

Случайно.

И прислушивалась.

Тоже случайно.

И каждый раз дом молчал.

Теперь же Давид сидел перед морем с таким невозмутимым видом, словно накануне не держал её за талию, не наклонялся к её губам и не отступил в самый последний момент.

Амалия прошла на террасу.

— Доброе утро.

Давид поднял глаза.

Замер.

Совсем ненадолго.

Но она заметила.

И внутри шевельнулось удовлетворение.

Хорошо.

Значит, не совсем спокойный.

Для завтрака Амалия выбрала простое платье.

Ничего особенного.

Светлая мягкая ткань.

Тонкие бретели.

Открытые плечи.

Чуть более короткое, чем то, что она обычно носила утром в обществе деловых партнёров.

Совершенно случайно.

Разумеется.

— Доброе утро, — ответил Давид.

Его взгляд вернулся к планшету.

Слишком быстро.

Амалия села напротив.

— Хорошо спал?

— Да.

Негодяй.

— А ты?

— Великолепно.

Он поднял глаза.

— Врёшь.

— Ты обещал не лгать. Я — нет.

Уголок его губ дрогнул.

— Кофе?

— Да.

Давид взял стоявший на столе кофейник.

Амалия протянула чашку.

Именно в тот момент, когда он начал наливать кофе, она спросила:

— Ты всегда убегаешь от женщин перед поцелуем?

Рука Давида замерла.

Всего на секунду.

Тонкая струя кофе продолжала литься в чашку.

Потом он поставил кофейник.

— Я не убегал.

— Конечно.

— Я остался на террасе.

— Географически — да.

Он посмотрел на неё.

— Решила начать с утра?

— Что именно?

— Это.

Амалия сделала невинное лицо.

— Пить кофе?

— Провоцировать меня.

Она медленно размешала кофе.

— Ты слишком высокого мнения о себе.

— Возможно.

— Я просто поддерживаю разговор.

— О вчерашнем вечере.

— А тебе неприятно вспоминать?

Его взгляд стал внимательнее.

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

— Проблемы нет.

— Прекрасно.

Она взяла чашку.

Сделала глоток.

— Значит, можем обсудить.

— Нет.

Амалия рассмеялась.

— Вот теперь узнаю тебя.

— Я рад.

— Никакой радости на лице.

— Внутри ликую.

Она посмотрела на него поверх чашки.

Давид выдержал взгляд.

И первым отвернулся.

Совсем немного.

Но этого было достаточно.

Вчера Амалия совершила ошибку.

Она позволила ему устанавливать правила.

Он решал, когда приблизиться.

Когда отойти.

Когда отвечать.

Когда молчать.

Он задавал темп.

Определял дистанцию.

Оставлял её с вопросами и уходил.

Хватит.

Сегодня она собиралась изменить правила.

Не потому, что хотела его соблазнить.

Она объясняла себе это уже третий час.

Она просто хотела понять.

Насколько далеко распространяется его самообладание.

Насколько оно настоящее.

И главное — почему человек, который так явно хотел её, дважды отступал.

Любопытство.

Только оно.

— Где остальные? — спросила Амалия.

— Кто?

— Эксперты.

— Приедут к одиннадцати.

Она посмотрела на часы.

Было восемь двадцать.

— Значит, у нас почти три часа.

Давид медленно положил планшет на стол.

— Для чего?

Она улыбнулась.

— Для работы, конечно.

Несколько секунд он смотрел на неё.

— Конечно.

К девяти они были в кабинете.

Амалия работала честно.

Первые сорок минут.

Они обсуждали смету реконструкции, график работ и спорный контракт с инженерной компанией.

Давид сидел во главе стола.

Амалия — справа от него.

Вчера она сидела напротив.

Сегодня почему-то выбрала другое место.

Ближе.

Совершенно случайно.

— Я бы заменил подрядчика, — сказал Давид.

— Нет.

— У них уже два нарушения графика.

— На подготовительном этапе.

— Это не оправдание.

— Они лучшие в городе.

— Лучшие тоже опаздывают.

— Ты всегда увольняешь людей после второй ошибки?

— Нет.

— После третьей?

— Зависит от ошибки.

— Очень гуманно.

— Я известен мягкостью характера.

Амалия фыркнула.

— Особенно заметно.

Она наклонилась к документу перед ним.

Не попросила передать.

Просто потянулась через стол.

Её плечо коснулось его руки.

Случайно.

Почти.

Давид замолчал.

Амалия взяла документ.

Вернулась на своё место.

— Что?

— Ничего.

— Ты остановился.

— Вспоминал цифру.

— Очень сложная цифра?

— Теперь да.

Она спрятала улыбку.

Работает.

Это было почти смешно.

Мужчина, который умел доводить её до бешенства одним спокойным взглядом, оказался не таким неуязвимым.

Давид продолжил:

— Если подрядчик срывает ещё один этап, мы получаем право расторгнуть договор без штрафа.

— Согласна.

— Быстро.

— Я умею признавать чужую правоту.

— Знаю.

— Опять помнишь?

— Это я узнал недавно.

— Слава богу. А то я уже начала опасаться, что у тебя где-то хранится полный архив моей жизни.

Он ничего не ответил.

Шутка исчезла.

Амалия заметила.

— Это была шутка.

— Я понял.

— Не похоже.

— Продолжим?

Снова.

Лёгкая трещина.

Она появилась и исчезла.

Но Амалия её увидела.

И подумала: значит, попала куда-то близко.

— Продолжим, — спокойно сказала она.

Через несколько минут она встала и подошла к доске с планами.

— Здесь нужно менять маршрут доставки.

— Почему?

— Пересечение с гостевым входом.

Давид подошёл.

Встал за её спиной.

Близко.

Амалия почувствовала его присутствие раньше, чем увидела отражение в стеклянной части доски.

Вчера от такой близости она бы напряглась.

Сегодня нет.

Сегодня она сделала вид, что не замечает.

— Можно оставить, — сказал он. — Поставки ночью.

— Нет.

— Почему?

— Шум.

— Электрический транспорт.

— Сотрудники тоже электрические?

— Я уточню.

Она улыбнулась.

Давид потянулся к чертежу.

Его рука прошла рядом с её плечом.

Теперь он почти окружал её руками, не касаясь.

И Амалия почувствовала, что игра внезапно перестала быть простой.

Дыхание чуть сбилось.

Она заставила себя остаться неподвижной.

— Вот здесь, — сказал Давид.

Его голос звучал рядом с её ухом.

Слишком рядом.

Он указал на технический проезд.

— Если расширить эту часть

— Нельзя.

— Можно.

— Там историческая кладка.

— Не вся стена оригинальная.

— Вся.

— Нет.

Амалия повернулась.

Ошибка.

Теперь они стояли лицом к лицу.

Очень близко.

Давид смотрел сверху вниз.

— Я видел техническое заключение, — сказал он.

— А я была внутри.

— Я тоже.

— Когда?

— Месяц назад.

Она моргнула.

— Что?

— Был на объекте.

— Без меня?

— Ты была в командировке.

— Кто тебя пустил?

— Начальник объекта.

— Я его уволю.

— За что?

— За предательство.

— Жестоко.

— Я известна мягкостью характера.

В глазах Давида появилась улыбка.

Но не на губах.

— Это я заметил.

Они всё ещё стояли слишком близко.

Амалия понимала: достаточно сделать полшага назад.

Не сделала.

Вместо этого спросила:

— Зачем ты ездил туда?

— Хотел увидеть здание.

— До принятия решения?

— Да.

— В одиночку?

— Да.

— Почему мне не сказал?

— Не обязан был.

— Теперь обязан.

— Почему?

— Потому что собираешься войти в проект.

— Пока ещё не вошёл.

— Но хочешь.

— Хочу.

Последнее слово прозвучало иначе.

И оба это услышали.

Амалия медленно подняла глаза.

— Проект?

Давид смотрел на неё.

— Сейчас ты действительно играешь.

— Я задала вопрос.

— Ты знаешь ответ.

— Мне нравится слышать.

Его взгляд стал тяжелее.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что через полтора часа приедут люди.

— Нам хватит времени поговорить.

— Я не о разговоре.

Тишина.

Сердце Амалии ударило сильнее.

Она заставила себя улыбнуться.

— Какая самоуверенность.

— Это не самоуверенность.

— А что?

— Предупреждение.

— Для меня?

— Для нас обоих.

Давид отступил.

Сделал это спокойно.

Без резкого движения.

Но Амалия всё равно почувствовала укол разочарования.

Опять.

Нет.

В этот раз она не собиралась позволить ему закончить всё на своей ноте.

— Ты боишься меня?

Он остановился.

— Нет.

— Похоже.

— Ошибаешься.

— Тогда чего?

Давид посмотрел на неё.

— Последствий.

— Каких?

— Продолжим работу.

Она рассмеялась.

— Вот и ответ.

— Какой?

— Боишься.

Он ничего не сказал.

Вернулся к столу.

Амалия смотрела ему вслед.

Первая партия — ничья.

Но день только начинался.

К одиннадцати приехали четверо специалистов фонда.

Амалия ожидала сухих мужчин в одинаковых костюмах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.